

Далее, сигналы о возможном наличии загадки могут привести к тому, что читатель начнет разбираться, проведет расследование и загадку разгадает — увидит цепочку невидимых связей. Например, может оказаться, что повествующие создают не одно, как предполагается, повествуемое, а два разных (а то и больше, как в случае салона). Создается эффект особого рода — читатель включается в игры автора и приходит в восторг. Это третий слой — эффект соучастия.

Могут сказать, что второй и третий слои заметит не каждый. Заметит ли незаметное каждый читающий, каждый второй или каждый десятый — процент не меняет того факта, что в тексте такой эффект заложен.

Мы видим и можем показать три слоя. Это не значит, что нет четвертого.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-1-90-116

НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ ПИСЬМА А. М. РЕМИЗОВА С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО: 1912 ГОД

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ © Е. Р. ОБАТНИНОЙ,
ПОДГОТОВКА ТЕКСТА © Е. Р. ОБАТНИНОЙ И © А. С. УРЮПИНОЙ)*

В корпусе писем Ремизова к жене, переработанных им в первоначальную редакцию книги «На вечерней заре», эпистолярный 1912 года оказался последним целостно сформированным текстом, отражающим жизнь супругов Ремизовых в России. Такой обрыв переписки связан с тем, что с 1913 года до начала Первой мировой войны их поездки порознь были крайне непродолжительными, а в период с 1914 по 1921 год и вовсе прекратились.¹

Настоящая глава составлена из четырех записок Ремизова, относящихся к началу зимы 1912 года, а также шести писем, отправленных весной в санаторий Волковой, где Серафима Павловна уединилась для подготовки к выпускным экзаменам в Археологическом институте. Эпистолярные обращения к жене являются отражением довольно дипломатичного стиля, который Ремизов старался поддерживать, сохраняя ровный

* Работа с архивными источниками для данной публикации и статьи выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00035). Первые главы не публиковавшейся при жизни писателя рукописи «На вечерней заре», подготовленные к печати профессором А. д'Амелия, см.: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // *Europa Orientalis*. 1985. № IV. С. 149–190; 1987. № VI. С. 237–310; 1990. № IX. С. 443–498. Мы продолжаем последовательное (по годам) введение в научный оборот новых глав. См.: На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1907 год / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатниной // *Русская литература*. 2014. № 1. С. 149–178; На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1908 год / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатниной // Там же. № 3. С. 142–184; На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатниной // Там же. 2015. № 3. С. 153–203; 2016. № 2. С. 162–211; На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1910 год / Вступ. статья и комм. Е. Р. Обатниной; подг. текста А. С. Урюпиной // Там же. 2017. № 2. С. 56–94; На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1911 год / Вступ. статья и комм. Е. Р. Обатниной; подг. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Там же. 2018. № 1. С. 163–209. Далее ссылки на последние публикации даются сокращенно: На вечерней заре, с указанием года и страницы.

¹ См. публикацию глав рукописи, содержащих письма первых лет эмиграции: Алексей Ремизов. На вечерней заре: 1921–1922 гг. / Вступ. заметка и комм. Е. Р. Обатниной; подг. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // *Литературный факт*. 2018. № 7. С. 46–81; № 8. С. 8–67.

психологический климат в отношениях с «властно-мятежной»² Серафимой Павловной. Зимой 1912 года решался вопрос совместной поездки в Берестовец — родовое имение Довгелло, где в это время находилась их дочь.³ Однако в кругу берестовецкой родни, настроенной к Ремизову крайне неприязненно, он чувствовал себя отчужденным и от девочки, и от жены, также вынужденной подчиняться домашним устоям. Уже к началу 1912 года материальное положение Ремизовых заметно улучшилось, чему способствовал долговременный договор с издательством «Шиповник» на издание сочинений писателя.⁴ Супруги переехали в удобную квартиру на Таврической улице, и существовавшая ранее проблема создания условий, в которых ребенок мог бы чувствовать себя комфортно, была решена. Соответственно, возникла возможность возвращения Наташи в Петербург. Но за шесть минувших лет произошло непоправимое: девочка стала считать своей семьей бабушку и теток, а родители воспринимались ею как незваные гости, разрушающие идиллию берестовецкого дома.⁵ Таким образом, именно в 1912 году Ремизовы вынуждены были признать, что, несмотря на изменившиеся условия жизни в Петербурге, ребенка им уже не вернуть. Да и сама тема взаимоотношений с дочерью стала для них едва ли не тайной, к которой допускались только очень близкие и сочувствующие люди. Самые откровенные строки Ремизова, описывающие эту трагическую ситуацию, остались в рукописи первой редакции романа «В розовом блеске» (1952), которой писатель посвятил шесть месяцев напряженного труда, постепенно выбираясь из глубокого стресса после смерти жены 13 мая 1943 года. Тогда он подробно восстановил в памяти все этапы и бытовые коллизии, в силу которых Наташа в 1906 году была оставлена на попечение сестер и матери Серафимы Павловны и продолжала жить с ними и после отъезда родителей за границу в 1921 году. В главке «Наташа» Ремизов писал, впоследствии отказавшись от публикации своих «затаенных» воспоминаний: «История несложная и не исключительная, такие бывают и бывали, и важно тут с кем это совершается: для одних проходит, а другим неизбывно до смерти.

На лето мы свезли Наташу к бабушке в Берестовец. А уж взять к себе назад в Петербург так и не удалось. Всегда находились предлоги не отпускать: то грозили смертью бабушки, для которой внучка единственная радость, то здоровьем Наташи — деревня не Петербург, где всякие скарлатины и провизию в лавках покупают; а кто жывал в деревне, тот поймет и насчет лошадей: пешком до станции не ближний конец, а как собираться ехать, всегда лошади оказываются заняты. Много можно чего сочинить, чтобы помешать отъезду. А потом с годами и уж Наташа не хочет ехать, а насильно не возьмешь. Так навсегда и расстались».⁶

² Ср. строки из стихотворения З. Н. Гиппиус, посвященные С. П. Ремизовой-Довгелло в 1906 году: «То бурная, властно-мятежная...» (Альбом С. П. Ремизовой-Довгелло // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. №. 1279). Ремизов напечатал это стихотворение в журнале «Возрождение» (1955. № 43. С. 28). См. также: *Gippius Z. N.* Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и прим. А. В. Лаврова. СПб., 1999. С. 310; Из альбома С. П. Ремизовой-Довгелло / Публ. S. Aronian // *Russian Literature Triquarterly*. 1986. Vol. 19. Part 2. P. 309 (публикация содержит неточности воспроизведения оригинального текста и датировки).

³ См. также: На вечерней заре 1907. С. 152.

⁴ В частности, в договоре, заключенном между Ремизовым и «Шиповником», было указано: «По распродаже каждого издания каждой книги „Сочинений А. М. Ремизова“ изд-во „Шиповник“ обязуется выпустить новое издание этой книги с тем расчетом, чтобы ни одна книга не отсутствовала на рынке в течение более трех месяцев. Действие настоящего договора продолжается до 1-го января тысяча девятьсот восемнадцатого года» (РНБ. Ф. 634. № 32. Л. 163; копия, отправленная И. А. Рязановскому).

⁵ Ср. сочувственное письмо З. Н. Гиппиус, обращенное к Серафиме Павловне в августе 1906 года, о бедственном материальном положении Ремизовых и их решении оставить дочку в Берестовце: «Конечно, на 30 р. жить нельзя; а Наташа? Неужели оставить ее там на целую зиму? Иметь ее, любить ее — и жить от нее далеко? Это все мне кажется таким невозможным, что я твердо верю — так или иначе все устроится» (Письма З. Н. Гиппиус — С. П. Ремизовой-Довгелло и А. М. Ремизову (1905–1941) / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатиной (в печати)).

⁶ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 64. Л. 58. См. также: *Резникова Н.* Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб., 2013. С. 66–88; *Бунин-Ремизов Б. Б.* Супруги Ремизовы в судьбе

Очевидно, что именно к 1912 году относился и следующий фрагмент воспоминаний Ремизова: «...ей <С. П. Ремизовой-Довгелло. — Е. О.> было страшно ехать, ее пугала встреча <...> она уже видела, что вернуть нельзя, что месяц, который мы проведем с Наташей, будет тягчайший, возможно, что Наташа и не узнает ее и что мы вернемся в Петербург одни; дети легко привязываются и легко отвыкают, и еще захочет ли Наташа ехать с нами — едва ли.

И я видел ее глаза, в них больше не было слез. <...>.

Близко к сердцу это материнское горе принял В. В. Розанов. Но что он мог сделать: написать статью в „Новом Времени“? Понял, и по-своему, конечно, Иванов-Разумник, редактор „Заветов“: мы составили духовное завещание (где-то оно?)⁷ я подробно рассказал всю нашу беду — для Наташи, когда будет большая; свидетелями подписались Р. В. Иванов-Разумник и Постников; Сергей Порфирьевич Постников секретарь „Заветов“. А потом, когда мы встретились с Терещенками, было уже поздно: ведь все их несметные богатства и влияние ничего не могло поправить: никаким золотом, никакой властью любви не вернешь... но разве мать может забыть?

И если В. В. Розанов, Р. В. Иванов-Разумник и Терещенки, особенно мать, Елизавета Михайловна Терещенко, с таким горячим участием отнеслись к С. П., был малый круг лиц, которым в сущности до нас не было никакого дела — по нашим следам всегда ходил черный глаз — они осуждали — судили своим скорым судом „мать, которая покинула ребенка“.

По Петербургу ходили всякие легенды, а их источник будто бы близкие нам люди, которым была известна вся наша жизнь...».⁸

* * *

Помимо неизвестного ранее в биографии Ремизова эпизода, связанного с составлением «духовного завещания» для дочери, приведенные выше воспоминания свидетельствуют о том, как в 1912 году изменился состав близкого окружения Ремизовых, все более отдававших предпочтение только по-настоящему дружеским отношениям. Кроме того, перемена мейнстрима в литературном мире повлияла и на профессиональные контакты. Символизм как направление терял целостность, входили в силу новые тенденции. «Мусagetцы» не приняли Ремизова в свой круг еще в 1910 году,⁹ не сложились прочные связи и с «Аполлоном»,¹⁰ хотя пьеса «Действо о Георгии Храбром», подготовленная к печати весной 1911 года, появилась на страницах издаваемого журналом Литературного альманаха.¹¹ Акмеизм как сугубо поэтическая программа не мог его привлечь, равно как и манифестируемая символистами новая форма повествовательного жанра «кларизм»,¹² которая к 1912 году также утратила жизнеспособность. Возникла дистанция в отношениях со многими прежними друзьями: значительно сократились посещения «башни» Вяч. Иванова, на продолжительное время исчез из окружения М. А. Кузмин.¹³ Серафима Павловна освободилась от то-

их дочери и восприятию ее близких // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 267–272.

⁷ Этот документ считается утраченным.

⁸ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 64. Л. 66.

⁹ См. подробнее: На вечерней заре 1910. С. 64–65.

¹⁰ *Обатнина Е. Р.* Неочевидный смысл очевидных фактов: А. М. Ремизов и журнал «Аполлон» // От Кибирова до Пушкина: Сб. в честь 60-летия Н. А. Богомолова / Сост. А. Лавров и О. Лекманов. М., 2011. С. 329–340.

¹¹ Впервые: *Ремизов А.* Действо о Георгии Храбром // Литературный Альманах. Издание «Аполлона». СПб., 1912. С. 117–162. В том же году пьеса была опубликована в составе восьмого тома Собрания сочинений писателя. Историю текста см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. СПб., 2016. Т. 12: Русалия. С. 823–835 (комм. О. А. Линдберг).

¹² Об отношении Ремизова к «кларизму», эстетическая программа которого была изложена в статье Кузмина «О прекрасной ясности» (1910), см.: *Обатнина Е. Р.* Неочевидный смысл очевидных фактов: А. М. Ремизов и журнал «Аполлон». С. 334–335.

¹³ Причины временного охлаждения связаны с рецензиями Кузмина на повесть «Неуемный бубен», подробнее см.: Там же. С. 330–336.

тального влияния Мережковских, которые в начале 1910-х годов в основном жили во Франции, и переписка с З. Н. Гиппиус стала эмоционально менее напряженной. Прекратилось и во многом вынужденное общение Ремизова с околелитературной братией, наподобие А. И. Котылева и поэта А. С. Рославлева.¹⁴

Новый для себя круг творческих интересов Ремизов нашел, познакомившись с меценатом М. И. Терещенко, развернувшим разностороннюю деятельность и в качестве чиновника по особым поручениям при Дирекции Императорских театров, и как издатель. В орбиту Терещенко, помимо Ремизова, был вовлечен и Александр Блок, благодаря чему писатели в 1912 году стали видеться чаще и общаться ближе, чем прежде.¹⁵ Окрепла дружба и с костромичем И. А. Рязановским,¹⁶ прозванным Ремизовым «старцем» в знак признания его авторитета как мифолога и археолога древнерусской культуры, знатока фольклора и библиофила. В общении с ним писатель находил богатую почву для творческих замыслов.¹⁷ Плодотворной оказалась для Ремизова и деятельность нового журнала «Заветы», организаторами которого были критик Р. В. Иванов-Разумник, издатель В. С. Миролюбов и журналист С. П. Постников.¹⁸ Литератор Е. Г. Лундберг, также приглашенный к участию в «Заветах», заочно сочувствуя инициативе нового издания, летом 1912 года в письме Миролюбову отозвался о творческом потенциале Ремизова: «Если Вы не позвали в Заветы Ремизова и если Разумник¹⁹ убедит Вас сделать это, я буду очень радоваться и за журнал, и за Ремизова. При большом числе сравнит<ельных> неудач, Ремизов — самый сейчас интересный и сложный писатель и — помня Ваши слова о „масках“ в литературе — пытается говорить о самом для себя важном...».²⁰

Сотрудничество с журналом «Заветы», открывшим новые литературные имена, на долгие годы связало Ремизова дружескими отношениями, не прерывавшимися и в эмиграции, с Л. Добронравовым, Вяч. Шишковым и Е. Замятиным. Помимо

¹⁴ См. о них: На вечерней заре 1909 (I). С. 153–203.

¹⁵ Общение Ремизова с А. А. Блоком в 1912 году отражено в публ.: Блок А. А. Переписка с А. М. Ремизовым (1905–1920) / Вступ. статья З. Г. Минц; публ. и комм. А. П. Юловой // Лит. наследство. 1981. Т. 92: Александр Блок: исследования и материалы. Кн. 2. С. 99–114.

¹⁶ См. о нем: Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2015. Т. 11: Зга. С. 612–614 (комм. А. М. Грачевой).

¹⁷ Ср. «зачин» к разделу «Лимонарь» в седьмом томе Собрания сочинений Ремизова, где в сказовой стилистике писатель отдал дань благодарности Рязановскому, которого признавал своим учителем и незаменимым консультантом в работе с апокрифами: «Проводя дни мои у некоего старца в научении, однажды ночью в смятении души моей я зажег свечу и раскрыл книгу, забытую у меня старцем — наставником моим. Обращая ветхие листы, написанные полууставом, я стал читать. И звезды ушли вместе с тьмою ночи, заря занялась, а я с книгою не слыхал, как у Спаса Пречистаго отзвонили к заутрене. С благословения старца — наставника моего я расскажу вам из этой чудной книги, писанной полууставом, слово, притчу, повесть и сказание» (цит. по: Ремизов А. Соч.: В 8 т. СПб.: Сирин, 1910–1912. Т. 7: Отреченные повести. [С. 13]).

¹⁸ О деятельности журнала «Заветы» и об участии в нем Ремизова см. публикацию воспоминаний Постникова: Дойков Ю. С. П. Постников: материалы к биографии (1883–1965). Архангельск, 2010. С. 11–15, 17, 26–41 (см.: doikov.com/knigi/s-p-postnikov-materialy-k-biografii (дата обращения: 30.10.2018)). История создания журнала по переписке членов редколлегия описана в статье: Обатнина Е. Письма из Италии: конфликт в «Заветах» глазами В. Чернова // «Беспокойные музы»: К истории русско-итальянских отношений XVIII–XX вв. / Сост. А. д'Амелия. Салерно, 2011. С. 255–278 (Europa orientalis; 14/1).

¹⁹ Разумник Васильевич Иванов (псевд. Иванов-Разумник) в 1912–1914 годах заведовал литературно-художественным отделом журнала «Заветы».

²⁰ Цит. по: Лундберг Е. Г. I. Автобиография. II. Письма к А. М. Ремизову / Публ. Е. Р. Обатиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 315–316. Несмотря на горячий интерес редакционной коллегии журнала «Заветы», повесть была отдана в Альманах «Шиповник». Ср. настойчивые предложения опубликовать повесть в создающемся журнале «Заветы», адресованные Ремизову Миролюбовым: «Не дадите ли Вы нам свою большую вещь, над которой Вы работаете? Очень прошу Вас помнить о нас»; «Кому Вы даете большую повесть, к <ого>рая назыв<а>ется? Кажется „Пятая язва“? Дайте Вы мне ее прочесть, сделайте одолжение. Может быть мы ее и осилим» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 156. Л. 9, 12; письма от 19 июня и 7 сентября 1912 года).

взаимной симпатии, всех четверых объединяла приверженность главной тенденции создания новой повествовательной манеры, которую писатель называл «национальной работой» по «сырому материалу».²¹

* * *

Предварительный план-набросок, составленный Ремизовым к обеим частям главы, посвященной событиям 1912 года, ограничен содержанием, которое из-за перерывов в переписке отражает лишь малую часть реального историко-литературного и бытового контекста этого периода. Оставив за рамками эпистолярного континуума собственную поездку в имение Бобровка Тверской губернии и Кострому,²² Ремизов назвал лишь место действия (квартира писателя на Таврической улице и санаторий Волковой), а также основных действующих лиц (лечащий доктор Серафимы Павловны А. Д. Нюренберг, М. И. Терещенко). Очевидно, что к наиболее значимым событиям года писатель относил еще, пожалуй, такой глобальный результат разносторонней деятельности Терещенко, как образование издательства «Сирин» и выкуп прав на переиздание уже вышедших из печати томов его Собрания сочинений в издательстве «Шиповник».²³ Этот «переход» Ремизов обозначил соответственно: «Шиповник–Сирин», поскольку в 1912 году «Шиповник» выпустил последние три тома, а «Сирин» в свою очередь напечатал все восемь томов в новом оформлении, поместив в последний из них ценный справочный аппарат.

Несмотря на видимое улучшение бытовых условий жизни, общий настрой Ремизова по отношению к окружающей действительности оказался более чем упадническим.²⁴ Хотя революционные побуждения остались для писателя в относительно далеком прошлом, предчувствие приближающейся общероссийской катастрофы послужило основным мотивом к созданию повести «Пятая язва». Осмысляя российскую историю, неотвратимо двигавшуюся к падению самодержавия, он, благодаря погружению в древнерусскую словесность и риторику, отождествляет себя с летописцем или хроникером. Так частная жизнь уже воспринималась как неотъемлемая составляющая истории культуры, а личное хроникальное свидетельство в значительной степени было ассоциировано с таким памятником эпохи «Смуты», как «Временник» дьяка Ивана Тимофеева, представившего совершенно новый для своего времени модус историографического сочинения.

Хроника и «временник» в ближайшем будущем получают в творчестве Ремизова статус переосмысленной литературной формы, наиболее адекватной для выражения авторского Я в историческом контексте.²⁵ Однако в 1912 году апробация этого жанра осуществилась в формах еще сугубо «домашнего творчества», первоначально предназначенного лишь для узкого круга друзей и знакомых. Начало этой истории пришлось

²¹ Ремизов А. М. «Заветы» (Памяти Леонида Михайловича Добронравова) // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский бунт. С. 364.

²² В Костроме Ремизов гостил с 10 по 20 августа. Здесь при поддержке И. А. Рязановского возник план осуществления несостоявшейся в 1908 году публикации эротической сказки «Царь Додон» (1906) с литографиями Л. Бакста. Детальное обсуждение издания в 25 именных экземпляров обсуждалось в переписке между Ремизовым, Рязановским, К. А. Сомовым и Б. Кустодиевым вплоть до двадцатых чисел октября, однако проект оказался таким же безуспешным, как и предыдущий. См.: Данилова И. Литературная сказка А. М. Ремизова: (1900–1920-е годы). Helsinki, 2010. С. 194.

²³ Копия договора и выписка из передаточного договора «Шиповника» с «Сиринским» сохранились в письмах Ремизова Рязановскому (РНБ. Ф. 634. № 32. Л. 161–161 об.).

²⁴ Сходные настроения отразились в откликах писателей ремизовского окружения. Ср. письмо Лундберга, жившего в марте 1912 года в Швейцарии: «В России трудно: уж очень безотрадные впечатления». Я с легкостью ворочусь опять за границу, хотя и тосковать буду по-прежнему» (цит. по: Лундберг Е. Г. I. Автобиография. II. Письма к А. М. Ремизову. С. 334).

²⁵ См., в частности, исследование авторской позиции Ивана Тимофеева в статье: Каравашкин А. В. Иван Тимофеев — историк начала XVII в. — в свете современных интерпретаций // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 25–39.

на 10 октября, когда неутомимый Терещенко, собравший вокруг задуманного издательства дружескую компанию (Ремизов, Блок, Иванов-Разумник), уговорил своих сестер Елизавету Ивановну и Пелагею Ивановну вложить семейный капитал в книгоиздательское предприятие. Больше месяца организаторы пребывали в необыкновенном волнении и предчувствии важных событий. Возникшее тогда в этом дружеском кружке взаимное притяжение было настолько радостным по существу, а общее дело открывало такую заманчивую перспективу новой творческой жизни, что Ремизов составил и оформил тематическую тетрадь с хронологическим описанием первых недель деятельности «Сирина» — издательского предприятия, сыгравшего на столичном книжном рынке предвоенного времени довольно значительную роль. Здесь сугубо личное для Ремизова — дневниковые записи и сны — были вплетены в ход внешней истории и дополнены подборкой печатных иллюстраций, составлявших символические подтексты общего содержания. Дневник был наполнен переживаниями, среди которых выделяется запись от 20 октября: «Сколько дней я ничего не делаю, ничего не читаю и не пишу!»

С Блоком разговаривал по телефону: он 2 дня не пишет, так взбудоражен „Сириным“. Он думает, что новое издательств[во] будет иметь огромное значение для рус. литературы и жизни литературной».²⁶

Тетрадь «Сирин» оказалась «закладным камнем» в создании индивидуальной, сугубо ремизовской традиции рукописного артефакта. Это был первый авторский альбом, положивший начало целому собранию рукописных шедевров, чрезвычайно разнообразных по оформлению и жанрам.²⁷ Вместе с тем этот оставшийся на периферии творчества Ремизова факт бытовой культуры представлял собой своего рода энтелехию новой для него литературной формы — «исторического» свидетельства от лица непосредственного участника и летописца. В биографии писателя тетради «Сирин» суждено было стать единственной хроникой, окрашенной позитивными эмоциями. Спустя пять лет писатель опубликует свой дневник, начатый в марте 1917-го, в виде отдельных глав «Временника», описывающих разгул революционной стихии, где уже не было места ни надеждам, ни творческим планам.²⁸

16 ноября 1912 года, в день рождения А. Блока, освятили помещение конторы, арендованной под редакцию на Пушкинской улице. В течение трех последующих лет под маркой «Сирина» были выпущены, помимо ремизовского Собрания сочинений, тома Ф. Сологуба, А. Блока и В. Брюсова; Ремизов публиковался также и в альманахе «Сирин», выходившем в 1913–1914 годах под редакцией Иванова-Разумника, и подготовил к печати авторские сборники («Подорожие», 1913; «Докука и балагурье», 1914; «Весеннее порошье», 1915).

* * *

На внешнем событийном уровне 1912 год начался обыкновенно. Работы впереди было много, и Ремизов в интервью журналу «Огонек» писал о своих планах вполне обыденно и кратко: «В начале 1912 г. издательство „Шиповник“ выпускает VI и VII тома собрания сочинений, куда входят сказки, легенды и пьесы <—> действия. Все произведения мои в этом издании выходят в новой редакции. Редактирование берет много

²⁶ Цит. по: «Сирин» — дневниковая тетрадь А. Ремизова / Предисловие, публ. и прим. А. В. Лаврова // Алексей Ремизов: Исследования и материалы: Сб. науч. статей / Отв. ред. А. М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно, 2003. С. 241–242.

²⁷ См.: [Ремизов А. М.]. Рукописные и иллюстрированные альбомы А. Ремизова // Новь. 1935. Сб. 8. С. 200–202; Friedman J. Beyond Symbolism and Surrealism: Alexei Remizov's Synthetic Art / Foreword by A. Pyman. Evanston, Illinois, 2010; Обатнина Е. Р. Кладовая творчества А. М. Ремизова: Аннотированный каталог артефактов писателя в собрании Рукописного отдела Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 годы. СПб., 2011. С. 302–370.

²⁸ См. роспись публикаций «Временника Алексея Ремизова», впоследствии перенесенных в состав романа «Взвихренная Русь»: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 5: Взвихренная Русь. С. 558 (комм. А. В. Лаврова).

времени. Закончив русалью „Лейлу“ — музыка А. К. Лядова, подготавливаю новый балет, материал для которого беру из русских апокрифических сказаний. Изучая отреченные повести наши и западные легенды, остановился на видениях для картины из этой области. Готовлю бытовую повесть».²⁹

Три названных писателем вектора его творческой работы составили содержание этого календарного года, и каждое из направлений предполагало формирование новой повествовательной формы. Наиболее новаторское из них было реализовано в драматическом жанре и получило авторское название «русалии».

Еще в конце 1910 года Дирекция Императорских театров в лице М. И. Терещенко обратилась к Ремизову с предложением написать либретто к музыкальным спектаклям, постановка которых должна была не только обновить репертуар, но и модернизировать эстетику постановок главной музыкальной сцены Петербурга — Мариинского театра. Нужно было придумать зрелищный спектакль, основанный на аутентичных образах русского фольклора. Поначалу работа не заладилась, и только весной дело сдвинулось с мертвой точки, а к концу марта 1911 года Ремизов подготовил рукопись под названием «Лейла, Русалия в четырех картинах с прологом и эпилогом», в которой на 14 листах был перечислен целый «сонм» мифологических образов с подробным аннотированием сказочных персонажей, извлеченным из книг «Посолонь» и «К Морю-Океану».³⁰ Произведение, впоследствии озаглавленное по именам главных героев книги «Посолонь» — «Алалей и Лейла», в жанровом отношении представляло собой род балетной драмы, название которой — «русалия» — восходило к традиционному русскому обряду, известному своими играми, танцами и песнями. Ремизовская «русалия» несла в себе идею «хорового» (коллективного, или «соборного») творчества и подразумевала синтез музыкальных и пластических искусств. В этом смысле изобретенный жанр был вписан в парадигму основных тенденций символистской культуры, возрождающей традицию народного мифа и древней мистерии, наполненной именно такого рода живой энергией коллективного действия.³¹ К началу мая 1912 года в Мариинском театре завершилась литературно-художественная и постановочная работа над балетом. Только Блоку Ремизов, наконец, приоткрыл хранящееся до сих пор под строгим секретом содержание будущего спектакля, и то потому, что в это время поэт также по заказу Дирекции Императорских театров приступил к работе над балетным либретто на тему средневекового рыцарства. Первого мая в дневнике Блока появилась запись, оставленная по впечатлениям дня, проведенного вместе с Ремизовым и Терещенко: «Алексей Михайлович рассказывал нам свой прекрасный балет».³² И хотя работу над «Алалеем и Лейлой» нельзя было считать завершенной, пока вся труппа ожидала музыкального оформления, заказанного А. К. Лядову, Ремизов, увлеченный идеей синкретического искусства, уже обдумывал либретто для хореографического спектакля по мотивам древнерусской «Повести о Китоврасе».³³

В работе Ремизова над очередными томами Собрания сочинений также наблюдалась тенденция пересмотра творческого метода. Согласно издательскому плану «Шиповника» уже в конце февраля 1912 года один за другим вышли из печати два тома, содержащие существенные переработки известных книг 1907 года. Шестой том представлял собой значительно расширенную версию первого издания книги сказок

²⁹ Над чем работают писатели: [Анкета] // Огонек. 1912. № 1. С. 20.

³⁰ Подробно историю текста см.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 12. С. 888–903 (комм. Е. Р. Обатиной).

³¹ Ср. теоретические воззрения Вяч. Иванова на «театр будущего» в его статьях «Предчувствия и предвестия. Новая органическая эпоха и театр будущего» (1906) и «Борозды и межи. 1. О проблеме театра» (1909).

³² Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 141.

³³ Подробнее см.: Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000. С. 144–163 (Studiorum slavica monumenta. Т. 19). Публикацию текста мистерии «Соломон и Китоврас» см.: Грачева А. М. О невоплощенном драматургическом замысле А. Ремизова и А. Блока («Соломон и Китоврас») // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 161–178.

«Посолонь», где Ремизов впервые использует принцип научных примечаний для декларации метода, при котором экспансия Я писателя распространяется и на область народной мифологии.³⁴

В 1911–1912 годах укрепились связи Ремизова с научным филологическим сообществом; началось его личное знакомство с учеными-медиевистами. Многие из них отмечали глубокий исследовательский интерес Ремизова к древнерусским источникам.³⁵ В связи с этим особое внимания специалистов удостоился седьмой том Собрания сочинений, который содержал новую редакцию «апокрифических» сказаний миниатюрной книжечки «Лимонарь, сиречь Луг духовный», выпущенной в 1907 году. Теперь это издание было дополнено циклом легенд «Паралипоменон», написанных в 1910–1911 годах. Авторские примечания к текстам свидетельствовали о серьезном, научном уровне изучения писателем апокрифов, используемых для создания его художественных произведений.

С тех пор как Серафима Павловна стала студенткой Археологического института,³⁶ профессорский состав которого был представлен ведущими специалистами в области изучения памятников культуры, Ремизов занялся самообразованием. Вместе с женой он осваивал лекционные курсы по истории древнерусской литературы, славяно-русской палеографии, христианской археологии, этнографии и другим дисциплинам, позволившим ему свободно ориентироваться в мире древнерусской письменности и книжной традиции русского средневековья. Базовые знания в этой области были необходимы писателю, чтобы не только понять специфические особенности поэтики древнерусских переложений евангельских сюжетов, но и приобщиться к постижению духовных ценностей, связанных с особенностями национальной мифологии, приблизиться к «реализму» inferнальных переживаний, отраженных в апокрифических сказаниях. В сохранившихся рабочих тетрадях Ремизова, посвященных изучению и авторской переработке образов средневековых «видений», начатых еще в пору создания первых легенд для «Лимонаря» (1907), представлено детальное изучение морально-нравственной аксиологии мифологического сознания, иерархии ангелов и демонов, а также топографии метафизического мира.³⁷

Еще в конце декабря 1911 года писатель, пользовавшийся в своих студиях рекомендациями друзей-филологов, сообщал П. Е. Щеголеву, что «заялся видениями», приложив к письму намеченный им первоочередной список библиографии по мистико-визионерскому жанру в «отреченной» литературе.³⁸ В седьмой том Собрания сочинений, вышедший в свет уже в феврале 1912 года, был включен текст легенды «О страстях Господних», вызвавший критику Вяч. Иванова в 1907 году.³⁹ Как будто убедившись в законности своего права художника, Ремизов возвратился к прежней декларации, которую его критики сочли кощунственной ошибкой. Такая настойчивость, в частности, могла быть вызвана неудовлетворенностью каноническим евангельским рассказом о казни и воскресении Христа и внутренней потребностью художника самостоятельно воссоздать и заново осмыслить сюжет «смерти бога». Художественное воспроизведение трагической мистерии по смелости и значимости творческого поступка сопоставимо с таким провокационным произведением начала эпохи Реформации,

³⁴ См. о специфических особенностях научных коммариив Ремизова: Данилова И. Литературная сказка А. М. Ремизова. С. 54–55.

³⁵ История контактов Ремизова с учеными-медиевистами исследована А. М. Грачевой в монографии «Алексей Ремизов и древнерусская культура».

³⁶ В 1912 году обучение подошло к концу. См. прим. 51 на с. 111–112 наст. публ.

³⁷ РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 4. Подробное описание см.: Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. С. 91–100.

³⁸ Письмо Ремизова от 17 (30) декабря 1911 года начиналось словами: «Заялся я видениями. Если бы вы мне достали...» (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. № 1479–1610. Л. 150).

³⁹ Речь идет о критике Вяч. Иванова, которую поэт после авторского прочтения легенды «О страстях Господних» 18 марта 1907 года буквально выразил словами: «Это кощунство, я протестую». Подробнее историю создания первой редакции для сборника «Лимонарь» см.: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2001. Т. 6: Лимонарь. С. 664–666 (комм. А. М. Грачевой); упоминания о правке текста см.: На вечерней заре 1907. С. 161–162.

как живописное полотно Ганса Гольбейна Младшего «Мертвый Христос в гробу». Объектом знаменитой картины стало мертвое человеческое тело Того, Кто, по Символу веры, пожертвовал собой «нас ради человек и нашего ради спасения».

Шокирующее натуралистической жестокостью изображение смерти Христа в легенде, во втором издании получившей название «Страсти Господни. Тридневен во гробе», отвлекло многих читателей от основной драматической коллизии «видения» писателя, которая заключалась не столько в самом свершении казни, сколько в попытке изображения метафизического катаклизма. Как объяснял сам писатель содержание своей интерпретации голгофских событий в ответном письме И. А. Шляпкину, и повторно в 1912 году, высказавшемуся неодобрительно по поводу авторской версии,⁴⁰ «тут в эти 2 дня и 2 ночи дело происходит не на земле и не среди живых людей, а в царстве душ человеческих, которые возродятся к жизни на земле. В эти 2 дня и 2 ночи Сатанаил „безумствовал“ над всей вселенной». Упорно защищая собственную эсхатологию, он убеждал ученого: «И дальше описывается не то, что было, а то, что станет в душе людей, все искушения, какие после пройдут перед душой человеческой. И для тех, кто соблазнится, „иссякнут источники“, „не останется вольного воздуха“ и „мера земле станет четыре шага — могила“. Чем чудовищнее Сатанинское действо, тем картина ярче — искушение сильнее, соблазн безнадежнее, победа крепче и полнее».⁴¹

Ремизовская трактовка голгофской мистерии, раскрывающая его собственную телеологию, оказалась своего рода прологом к содержанию повести «Пятая язва».

* * *

Сохранилась примечательная характеристика ремизовского стиля, высказанная весной 1912 года В. М. Черновым в одном из частных писем. Как инициатор нового журнала «Заветы», обсуждая с приглашенным редактором Ивановым-Разумником круг авторов, он писал: «Ремизов — сильный писатель, но он, по манере мистиков, склонен часто глядеть на мир, прищурив глаза: тогда все резкие цвета и яркие черты сливаются, сменяются расплывчатыми, контуры превращаются в силуэты, окраски и цвета в нюансы, события — в свои собственные причудливые тени, по которым можно только гадать на святках. Облачности и туманности ему нужны, чтобы набросить на все покрывало какой-то „загадочности“ и „тайны“».⁴²

Современник довольно точно отметил сформировавшуюся к этому времени особенность ремизовского таланта — писать «бытовую повесть» и при этом создавать текст, исполненный мистическими коннотациями и прозрениями. Именно эта особенность наиболее отчетливо проявилась в написанной в 1912 году новой повести «Пятая язва», в прочтении которой Ремизов с очевидностью предполагал два уровня восприятия. Первый был рассчитан на очевидные читательские ожидания, связанные с традицией реалистического бытописания, сатиры XIX века, с психологизмом русского национального характера, в достаточной мере исследованного классиками русской прозы от Гоголя и Салтыкова-Щедрина до Достоевского. Второй адресовался читателю, способному воспринять текст в символическом ключе, находя в героях и событиях сюжета религиозно-философские и мифологические смыслы. Если в «Страстях Господних» крушение божественного мироздания совершается в метафизических сферах, то в «Пятой язве» эсхатология опрокинута в житейскую действительность российского общества. В результате — привычные явления российской жизни приобретали гротескные формы, превращались в вакханалию человеческих грехов и пороков. Ремизов, следуя литературным приемам Ивана Тимофеева, представившего в своей хронике свод человеческих грехов Смутного времени, довел описание тотальной деградации русского народа до беспощадного абсурда, изображая

⁴⁰ Подробнее см.: Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. С. 82.

⁴¹ Цит. по: Там же. С. 83.

⁴² ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 340. Л. 1.

сюрреалистическое бытие провинциального городка, название которого — Студенец — прямо обращено к старославянскому переводу «Апокалипсиса от Иоанна», где этот архаизм обозначает «колодец ада».⁴³

Напомним, что еще в письме к жене 14–15 марта 1911 года Ремизов необыкновенно эмоционально писал о собственном предвидении неотвратимого конца русского самодержавия: «Никогда я так не чувствовал, как сейчас, что царской России положен срок — сгинет она, изненавистничавшаяся, исподличившаяся, несчастная. Из-за куниц и горностаев — повод к войне!

Если удастся мне написать повесть [«Пятая язва»] — обвинительный акт следователя Орлова⁴⁴ русскому народу — царской России — будет из сердца у меня».⁴⁵

Критики, прочитавшие повесть как традиционное «бытописание», в центре которого поставлен герой, переживший нравственное перерождение из бесчувственного следователя в человека сострадающего,⁴⁶ не оценили заданный Ремизовым эсхатологический регистр, указывающий на другую полноправную тему — обреченность русского государства. А между тем повесть стала выражением авторских предчувствий приближающейся катастрофы 1917–1918 годов. В годы революции Ремизов охарактеризует исторический регресс «симптомами» средневековой России, используя в письмах народное понятие «Смутное время».⁴⁷ Пафос обвинительно-акта Боброва в контексте крушения царской эпохи приобретет звучание «воззвания» к русскому народу, первого в ряду последующих, написанных в таких характерных для трагических поворотов истории жанрах древнерусского красноречия, как плач и слово. Именно в обратной перспективе прочтения «Пятой язвы» сквозь призму «Слова о погибели русского народа» (1917) с очевидностью раскрывается автобиографический генезис образа Боброва, в котором с особой отчетливостью проявилась глубокая чуждость писателя идеи народничества и апологии народного сознания как объективного зеркала реальности и, тем более, источника справедливой оценки событий. Неверие Ремизова в самосознание народа было предметом размышлений его литературного ученика М. Пришвина, который в дневнике конца 1900-х годов заметил, думая о творческой интеллигенции: «Все, чем мы живем: сказочки и проч. искусство — все сказочки, пустяки; мы — шалуны. Особенно мне чуден кажется Ремизов, отвергающий народ и потихоньку роющийся в Дале в погоне за народными словами».⁴⁸ Он же записал забавный монолог крестьянина, который, возможно, даже был пересказан Ремизову, настолько очевидны совпадения темы ветхозаветной «пятой язвы» в повести с «соображениями» выразителя народного мировоззрения: «Ну, будет *кроволитие*... Непременно будет... Потому что как и при Фараоне тоже были всякие бедствия, а все-таки Моисей вывел... И Моисей будет... Казни уже были... Одна казнь: лопухи покрыли все поле <...> и так до десяти раз <...> В каждом человеке

⁴³ См.: Доценко С. Н. О генезисе топонима «Студенец»: Из коммариума к повести А. Ремизова «Пятая язва» // Блоковский сборник XVI: Александр Блок и русская литература первой половины XX века / Ред. Л. Пильд. Тарту, 2003. С. 157–161.

⁴⁴ Первоначальная фамилия главного героя «Пятой язвы».

⁴⁵ На вечерней заре 1911. С. 185. Очевидно, что ремизовский голос выражал общую для российской интеллигенции позицию осуждения самодержавия как первопричины распада государства. В «Пятой язве» позиция Ремизова сближается с точкой зрения Д. Мережковского, описывающего послепетровскую историю российской государственности через апокалиптическую метафору — «царство Зверя». Ср.: «...и нигде в мире царство Зверя не было таким свирепым, безбожным и кощунственным, как именно здесь, в русском самодержавии» (Мережковский Д. С. Пророк русской революции (К юбилею Достоевского) // Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 330).

⁴⁶ См. трактовку повести авторитетным критиком и современником Ремизова — Ивановым-Разумником, исповедовавшим народнические общественно-политические взгляды и откликнувшимся, главным образом, на социальное звучание повести (Иванов-Разумник Р. В. Черная Россия («Пятая язва» и «Никон Староколенный») // Заветы. 1912. № 8. Ноябрь. Отд. 2. С. 40–52).

⁴⁷ Подобная хронологическая дефиниция встречается, в частности, в письмах Ремизова И. А. Рязановскому, относящихся к марту 1917 года (РНБ. Ф. 634. Л. 33).

⁴⁸ Пришвин М. М. Ранний дневник: 1905–1913 / Подг. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной. СПб., 2007. С. 230.

и ангел, и дьявол, а в Моисее будет только ангел... И тогда будет земля всем, и акциз все будут платить».⁴⁹

Помимо остросоциальной декларации «Пятая язва» стала выражением глубоко личных переживаний автора, связанных с его семьей. Свойства характера и рисунок поведения матери Боброва со всей силой художественного описания повторяют жизненный модус Ремизовой-Довгелло, который был обусловлен дисгармонией внешнего мира и внутреннего мироощущения. Присущую этому психотипу тревогу и неприкаянность Ремизов охарактеризовал кратко: «...если ты ранен, и сам вольный воздух растравит тебе рану». В образе Марии Васильевны нашли отражение практически все признаки «инаковости» жены писателя, которые культивировались ею самой, а также были признаны не только Ремизовым, но и отдельными современниками. Необыкновенная целомудренность, которая светилась в глазах матери Боброва, воспринималась собеседниками как эталон нравственности: «А ей Богом даны были глаза, такие вот самые — и она видела. И все, что она видела, шло ей в душу. И она мучилась от того, что все видела. И еще мучилась, что, как есть, одна была, а одному нелегко на свете быть. И еще мучило ее то, что люди, без которых не прожить жизнь, подходили к ней по-свойски, с своею короткою общею меркою, и общения не умиряли ее, а только ранили».⁵⁰

Собственно, такое же отношение к Серафиме Павловне как человеку «не от мира сего», или как к «посвященной» среди профанов, поддерживалось знакомыми Ремизовых — деятелями, заинтересованными в построении новых религиозно-мистических доктрин. В частности, Мережковский в письме Ремизову от 19 апреля 1905 года передавал свои впечатления от общения с женой писателя: «Скажите Серафиме Павловне, что я ее люблю, но чуточку побаиваюсь, потому что я очень грешен, и это под ее глубоким и видящим взором как-то обнаруживается. Впрочем, надеюсь, это пройдет, т. е. то, что я ее побаиваюсь — и тогда я еще больше, еще смелее ее полюблю».⁵¹ Личный кризис Серафимы Павловны в повести возведен в статус метафизической проблемы земного применения «ангельских» возможностей. Странная ипохондрия матери Боброва — Марии Васильевны происходит из несоответствия ее внутренних желаний и условий реализации истинного предназначения: «Дела она искала себе, чтобы чем-нибудь заполнить дни»; «Да и подходящего дела ей не было. Дело, ведь, ее совсем не житейское!»; «Что-то надо было ей сделать, и она знала об этом, не знала только, что сделать, и еще больше мучилась». Такого рода характеристика экзистенции персонажа вызывает прямые аллюзии к изложению потребностей жены в разговоре Ремизова с А.Р. Минцловой, известному нам по письму из рукописи «На вечерней заре» за 1909 год («...тебе надо „ДЕЛО“, это во-первых, и это само собой, — писал Ремизов, пересказывая жене свой разговор с теософкой, воспринимавшей Серафиму Павловну как личность, открытую эзотерическому знанию, — а во-вторых „СЛУЖИТЬ“, в библиотеке, если хотите, но что тебе надо *Волю* — простор — поехать, посмотреть. Так?»).⁵²

При внимательном рассмотрении тема «инаковости» героини, равно как и мотив непреднамеренного преступления одного человека перед другим, также имела в повести автобиографический подтекст, который неожиданно проявился в письме Ремизова, адресованном Серафиме Павловне в день ее рождения (см. письмо от 4 июля в наст. публ.). Признание личной вины обнаруживает связь «семейного» мифа об утраченном Серафимой Павловной призвании⁵³ с образом матери Боброва, актуализируя тему «ангелоподобных» душ, не приспособленных к миру людей.

⁴⁹ Там же. С. 394 (запись 1909 года, непосредственно связанная с новым законом об акцизах).

⁵⁰ Цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2001. Т. 4: Плачущая канава. С. 223.

⁵¹ РНБ. Ф 634. № 37. Ср. приведенное в романе «В розовом блеске» впечатление В. В. Розанова, который также обратил внимание на «глубину глаз» Ремизовой-Довгелло: «Помните, как в первый раз заглянув ей в глаза, вы, обратясь ко мне, сказали: „Серафима благородная, а мы с тобой...“» (Ремизов А. В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952. С. 285).

⁵² На вечерней заре 1909 (II). С. 172.

⁵³ Подробнее см.: Обатнина Е. Земная судьба небожителей в жизни и творчестве Алексея Ремизова // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2018. № 6. С. 16–25.

Тема личной вины пронзительно от-refлектирована писателем в повести дважды: под углом зрения человека, добровольно разделяющего муки, которые испытывает «ангельская» душа в своем земном бытии, и в свете ответственности перед ребенком. В первом случае выразителем ремизовского мироощущения стал отец Боброва, готовность которого к самопожертвованию ради спасения жены-«небожительницы» описывается как молитвенный подвиг, что перекликается с чувством личной посвященности служению ближнему человеку более высокой духовной природы, с которым Ремизов относился к жене. Ср. строки письма («Я тебе, деточка, все сделаю. Знаю, что вина во мне заключается. До последнего моего издыхания буду ходить, деточка, за тобою») и сцену из повести: «Стоял отец перед Божьей Матерью и как-то чудно — голова его крепко была вдавлена в плечи, словно силился он поднять неподъемную тяжесть, а когда обернулся, слезы дрожали в глазах.

— За мамочку! — виновато сказал отец, — за мамочку, чтобы ей легче было, а мне ничего, мне болезни пускай всякие, я за мамочку».⁵⁴

Во втором случае чувство личной экзистенциальной вины перенесено на образ Боброва-младшего. Остававший всю свою жизнь безучастным к детям-бастардам, воспитывавшимся в его доме, он в последние минуты жизни был согрет состраданием приемной дочери. Эта заключительная сцена «Пятой язвы» может быть прочитана как рефлексия проблемы взаимоотношений писателя с собственным ребенком.

В 1912 году в творчестве Ремизова интенсивное развитие получила тема «небожителей»,⁵⁵ осторожно заявленная характеристикой матери писателя еще в автобиографическом романе «Пруд» (1905, 1911). Со всей очевидностью можно утверждать, что в произведениях 1912 года эта тема, главным образом, была инспирирована личной ситуацией Серафимы Павловны, специфически переосмысленной Ремизовым, и стимулирована их совместными занятиями древнерусской христианской мифологией. Трудно себе представить, чтобы, войдя в мир апокалиптических откровений средневековой Руси, писатель мог сохранить психологическую устойчивость к событиям жизни, не ожидая возмездия за беспрепятственное пересечение границ между мирами. Внезапная опасность, подстерегшая его в окрестностях Бобровки (имение в Тверской губернии, где фактически была закончена повесть «Пятая язва»),⁵⁶ заставила Ремизова подумать о реальности Инферно. Рассказ об этом происшествии находим в письме к Блоку, написанном в ночь с 26 на 27 июля: «Смотрением божиим был сегодня спасен от напрасной гибели. Много передумал в короткий срок и, странно, о сочинении моем и не вспомнил. А как сегодня принялся за исправление неудовлетворяющих меня страниц. <...>. А случилось так, один я сидел в бричке, ездока настоящего поджидал <...>. Две версты мчали меня кони. Все-таки удержал у деревни Линеи. Так уж, стало быть, надо было, а руки совсем замлели. <...>. Спать я все-таки не могу. Очень уж взлетело, должно быть, за неположенное».⁵⁷

По-видимому, сюжет падения Боброва из тарантаса, случившийся в подтверждение тотального крушения представлений героя о безупречности своей миссии, появился в тексте последней главы повести «Пятая язва» вследствие этого мистически воспринятого Ремизовым биографического события лета 1912 года.

⁵⁴ Цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 4: Плачущая канава. С. 222.

⁵⁵ Подробнее см.: Обатнина Е. Земная судьба небожителей в жизни и творчестве Алексея Ремизова. С. 16–25.

⁵⁶ Анна Алексеевна Рачинская (1855–1916) — общественная деятельница; сестра «мусagetца» Г. А. Рачинского, следуя традициям своей семьи, на протяжении нескольких поколений создававшей дружеский и родственник круг с представителями отечественной литературно-художественной элиты, пригласила писателя для отдыха и работы в благоприятных условиях сельской местности родового имения Бобровка. В Бобровке Ремизов гостил с 9 по 31 июля 1912 года. Очевидно, что это приглашение привлекало писателя также возможностью познакомиться с материалами богатого семейного архива, хранящегося в имении. Подробнее о Рачинских и их архивах см. вступ. статью к публикации: Лухта А. В. «Татевский архив» С. А. Рачинского (октябрь — ноябрь 1882 года) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. 2006. Сер. IV: Педагогика. Психология. Вып. 3. С. 165–207.

⁵⁷ Блок А. А. Переписка с А. М. Ремизовым. С. 109.

Рукопись «На вечерней заре» как авторская редакция писем к жене герметично скрывает сферу глубоко интимных переживаний писателя, связанных как с личной жизнью, так и с творческими муками. Глава, охватывающая события 1912 года, самым неожиданным образом объективирует покаянный мотив, причины которого писатель полностью раскроет только после смерти Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло на страницах романа «В розовом блеске» (1952). Несколько строк из завершающего главу письма, написанного в день рождения супруги, обнаруживают ту латентную сферу биографии писателя, которая позволяет соотнести творческие тексты (повесть «Пятая язва») и реалии его психоэмоциональной жизни. Само по себе такое сближение поднимает уровень нашего понимания творческого сознания Ремизова над плоскостью рассмотрения его биографии как линейной последовательности фактов и обнаруживает более важную для истории литературы «хронологию» творческих «поступков», связанных с утверждением мировоззренческих позиций (история републикации легенды «О Страстях Господних») и формированием творческих интенций.

* * *

Глава из рукописи «На вечерней заре» и оригиналы писем Ремизова за 1912 год печатаются по автографам, хранящимся в Государственном литературном музее (Ф. 156). Тексты воспроизводятся в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации с сохранением характерных особенностей ремизовского синтаксиса и написания отдельных слов, в редких случаях с восстановлением необходимых знаков препинания в угловых скобках. В примечаниях персоналии, прокомментированные в предшествующих публикациях глав (1907–1909), не поясняются.

Для удобства чтения в оригиналах писем также в угловых скобках восстановлены фамилии упомянутых лиц.

ПЕТЕРБУРГ

1912

Таврическая, д<ом> Хренова

Петербург 1912

25 января

10' 6-го. Иванов-Разумник сказал, что к нам до 8-ми придет С. В. Лурье, который собирается с ним в «Шиповник» — в 8 ч<асов>.¹

А мне уходить надо к А. В. Руманову.²

Я Лурье объясню все, и пускай подождет в моей комнате, а Иванова-Разумника пустит Броня³ без ¼ 8. И они, соединясь, уйдут в «Шиповник».

Очень боюсь я это делать, боюсь, что ты сердиться будешь.

А вернусь от Руманова, пойду к Ляцкому.⁴

[Ляцкий и Руманов в моей судьбе одно: сколько раз я ходил к Руманову («Русское слово») и к Ляцкому («Вестник Европы») и с какой горячей надеждою и всегда бестолку].⁵

Петербург 1912

на 11 января

½ 4-го утра

Как же мне слово свое держать, что я лягу и засну — и не караулить? Ты у меня одна — одна на свете: и строгая и ласковая, самая одна. И все-то по ночам и стонешь, и ворочаешься, и шепчешь. Нет, уж лучше слово давать буду, а исполнить не могу и не буду.

Петербург 1912
12 февраля
Лютая зима

Так писульку тебе захотелось написать.

Я Наташу видеть хочу, и по снегу в санках прокатиться охота. Боюсь помешать — тебе помешаю, да и тяготиться мною будут. [В Берестовце]. А уж у меня, как замечу, одно старание в тараканью норку прячься.

А то я ничего, я с тобою поехал бы. [В Берестовец].

Подумай обо всем этом покрепче. Вспомни прошлую поездку твою. Вспомни, что говорили мне: «Вот хорошо, что ты не поехал!»

Петербург 1912
13 февраля
Снежок

И опять тебе писульку пишу.

Хочется мне с тобой проехать, и уж и не знаю я, как выживу [в Берестовце]. Вечером готов, а утром, как встану, да как представлю себе, руки опускаются: боюсь и боюсь. Подумай ты, как следует, пообсуди сама с собой хорошенько и мне скажи.

Тебя я стесню. Ныть буду, проситься домой ехать. Надоем.

И к «немцу» не поезжай: тут лучше, тихо.

[С<ерафима> П<авловна> собиралась ехать в Мюнхен к М. В. Сабашниковой и слушать лекции д<окто>р<а> Штейнера].⁶

ПЕТЕРБУРГ 1912

С<ерафима> П<авловна> в Финляндии в Санатории Волковой,
Уси-Кирка⁷

А. Д. Нюренберг
М. И. Терещенко
Шиповник—Сирин

Петербург 1912
29–30 апреля
1 ч<ас> н<очи>

Очень я устал и промерз порядочно: так холодно на дворе стало.

Открытка тебе от Красильниковой: [Наверно, я спутал, надо читать: Красильщик Любовь Исааковна (Трапезникова)]⁸ придет она во вторник 1-го утром между 11-ью и 12-тью. Вот, в какой час непоказанный! Письмо очень ласковое.

Еще: карандашом на лоскутке: «Пронинский». (Помнишь Пронин приходил и расписался).⁹

И на том же лоскутке Вера Евг<еньевна> Копельман: просит меня в сборник дать бесплатно, само-собой.¹⁰

Не везет мне, все давай бесплатно, а платно — не выходит.

Два приглашения в «Бродячую собаку» на 30.IV¹¹ и «Новая жизнь», апрель, с романом Сологуба «Слаще яда». ¹²

Никто больше не был, никто ничего не спрашивал.

Кочан-Наталя [Гржебинская прислуга, помогавшая нам, глядела за квартирой, когда мы жили в Уси-Кирке] Вере Евг<еньевне> Копельман на ее вопрос, где мы,

сказала вразумительно: «Вышли», а о Финляндии ни слова. Я ей внушил, чтобы и впредь так.

Старший Григорий Кузьмич¹³ зайдет завтра: о прачечной ему уже сказано. Посмотрит, и завтра скажет.

Да, Вера Евг<еньевна> Копельман на стол мне серую мышку положила. Хорошая мышка — можно ее будет Наташе подарить, — с хвостиком, только усов нет, чуть про- биваются.

От Волковой (Уси-Кирка)¹⁴ на вокзал приехал я за 45 мин<ут> до отхода поез- да; ехал очень быстро, да и часы мои вперед. Только холодно было. Как поедешь, лучше поезжай раньше. Поезд великолепный; воду берет в Уси-Кирке и отходит 20' 10-го. Едет безостановочно до Куокколы, 20 мин<ут> стоит в Белоострове и в Пе- тербурге.

Ехать было просторно. В Белоострове села дама-немка, «с нервами», как солдат сказал про нее.

Она вдруг ни с того, ни с сего начала рассказывать свою биографию и с большими подробностями, а за своей биографией и всех, с кем судьба ее сталкивала. Потом мешоч- ек раскрыла и деньги показала — 100 руб<лей>. И вдруг, как вдруг начала, так и за- молкла. Вышла, стала на площадке. И до Петербурга.

Если бы она говорила по-русски хорошо, было бы очень занятно, но она едва лопоч- чет.

В пути дремал. Голова разболелась. Теперь прошло.

Без тебя мушку слышно, тихо в доме. Все мои «зайцы» ждут тебя, говорят: «Вер- нется?» — «Скоро, — говорю, — соберет силы, приедет».

Без тебя скучно — по-русски «скучно».

И «клопа» не трону и ванну не буду делать, лягу.

Желаю тебе сил своих настоящих набраться, крепости, мужества и все одолеть, все победить, ты Довгелло, по-русски — велико-могучий.¹⁵

Когда будешь в Петербурге из вагона выходить, осторожнее: я не рассчитал и но- гой ударился. Ногу не повредил, а подумал: тебя предупредить надо, чтобы ты тихонь- ко выходила.

30 апреля

Стирка во вторник — 8-го, прачке сказано.

Сегодня тепло, так и «пахнет деревьями». Но дождь не перестает.

Письмо от А. А. Кондратьева:¹⁶ о Б. А. Садовском,¹⁷ когда к нему подойдем?

Как-то ты ночь спала? Чуть перестанет дождь, пойду опущу письмо.

Петербург 1912
с 30.IV–1.V

Будут деньги, диван надо новый завести, уж очень все рыхло стало. Это вчера я присматривался, убирая комнаты к твоему приезду.

Был Иванов-Разумник.

Да, он тогда так и не понял, что что-то на уме у меня. Он говорит: «будь на месте Шес- това, он такое предложение не решился бы никогда сделать». Уезжает он 10–15 мая.¹⁸

Арона [Арон Давидович Нюренберг, доктор]¹⁹ едва я «дозвонился». Звонил в час и ему на дом и по указанному №-у, нет и нет. После обеда опять пошел [к соседям Гржебиным]²⁰ и наконец-то.

Он сказал, что тебе письмо напишет, что тебе и надо было так поступить. [С<ерафима> П<авловна> лечилась у Нюренберга].

Выходя от Гржебиных, столкнулся с А. Бурнакиным. Он меня раздражает: то ли от самомнения его, то ли его литературная «бессовестность» («Новое время»).²¹

Заезжал Мих<аил> И<ванович> Терещенко.²² Ездили на Острова,²³ а потом к Блоку.²⁴

Терещенко уезжает в среду. И, должно быть, завтра я пойду с ним к П. И. Нерадовскому в музей (Александра III). Нерадовский живет в музее (хранитель музея).²⁵

Напомни рассказать сцену на Каменноостровском и про «небельмейстера».²⁶

Сегодня теплынь. Это после дождя. Кочан-Наталья выставила у меня одну раму. З. И. Гржебин отдал мне 6 руб<лей>, а 4 р<убля> «пообещал» отдать. Сегодня котлеты, ты предвидела, а на завтра «ножки» — новое мое увлечение.

Выписываю тебе латинские названия и перевод. Запомнить трудно, но хотя бы знать приблизительно. Средневековая латынь. [С<ерафима> П<авловна> готовилась к экзамену в Археологич<еском> Институте].²⁷

К Яцимирскому пойду в четверг, отнесу ему книги. [Румынский извод апокрифов].²⁸

Как-то ты живешь в своем затворе? Писульки от тебя еще нет. Завтра дождусь — завтра узнаю, как живешь ты. До свидания — до свиданья.

1 мая

Писем нет.

Петербург 1912

1–2 мая

1 ч<ас> н<очи>

Арон [А. Д. Нюренберг] звонил: спрашивает, получил ли я от тебя писульку? Я сказал, что нет еще: письма долго ходят. Звонил он часов в 5.

Дважды я выходил на волю. Пошел и вернулся: такой дождик. А во второй раз и прямо на демонстрацию угодил. Полиции Бог знает сколько и жандармы. Уж я пожалел, что и вышел, совсем забыл, что сегодня 1-ое мая. В аптеку рецепт отдал, а уж назад, не дожидаясь, прямо на № 4 [трамвай]: «еще руку оторвут!»

Удивительное дело, как какая-то барышня с красным флагом шла! Идет — как пьяная шатается. Я ее понимаю, какой взвизв и охмеление! И что же ты думаешь, ничего не видит, засада-то по<д> носом, на Лиговке. Это около памятника Александру III я видел, как наш трамвай заворачивал.

В 11-ь приходил Красильщик [? опять, не Любовь ли это Исааковна?],²⁹ зонтик принес. Я предложил чаю, отказался.

Не знаю, правильно ли я поступил, боюсь очень: спрашивает адрес написать тебе. Что же мне было отвечать? Я и сказал. Бога ради, не сердись, никому больше не говорил.

Уехал З. И. Гржебин в Москву, и вчера Мих<аил> Сем<енович> [Фарбман].³⁰ Теперь по телефону говорить очень просто. Но 21-го мая приезжает Софья Исаевна [Фарбман]³¹ с ребенком, и тогда неловко будет. Надо Арона [Нюренберга] предупредить будет.

Разговаривал по телефону с М. И. Терещенко: он завтра заедет за мной, и вместе поедем в Музей П. И. Нерадовскому. А уезжает он в четверг.

Писем не было.

Есть тебе книжка от М. Шагинян, ее «труды», тоненькая, цена 40 коп<еек>.³²

Ел я сегодня, как полагается, «ножки». А чай пью средний, сразу трудно переходить на <не>крепкий. [В санатории у Волковой давали пожелченную воду под названием «чай»].

Скучно без тебя, очень скучно. Покличешь, покличешь, нет никого. И сижу так. Приборкой уж не занимаюсь. Все тревожусь, как-то ты одна там? Ну, как бы я один без тебя куда-нибудь поехал — далеко? Мы с тобой уж вместе к Наташе поедем,³³ а к Аничкову [на Ждани]³⁴ не хочу.

Коган-Наталья другое окно выставила — открыли Весну. Скоро ли ты приедешь! Ну, занимайся. [Экзамен, С<ерафима> П<авловна> готовилась].

Да, после Красильщика заходил «Иоанн» И. А. Новиков,³⁵ из Москвы приехал. О Финляндии я ему ничего, будто ты ушла в Археологический Институт. Еще розовее и елейней. Стихи посвятил «Духу святому», ну не дурак ли?³⁶

От Марьи Гавриловны [Новиковой]³⁷ поклон.

2 мая

Твою писульку получил. Это голова у тебя болит и оттого, что холодно было и от топки: печку давно не топили.

Постарайся, подолби, чтобы сбыть [экзамен].

Буду сегодня разговаривать [с Нерадовским], как тебе заниматься рукописными делами.

Письмо от Яцимирского — в четверг ждет меня. И из «Литературного Общества»³⁸ приглашение вступить.

Только «Новое время» вышло. В хронике говорится, что демонстраций больших не было, но ожидалось.³⁹

Сегодня отдание Пасхи,⁴⁰ завтра Вознесение — твой нелюбимый праздник: Пасха кончилась.

Петербург 1912

2–3 мая

Арон [А. Д. Нюренберг] звонил (только что сел обедать, Юра [Дореомедов] стучит).⁴¹ Спрашивал, как ты, что пишешь? Я сказал, что голова у тебя болит. А он мне стал рассказывать, как ты 8 билетов выучила — трудных.

«Я, говорит, тоже получил».

Он тебе напишет. Он говорит, что надо будет тебя лечить: нервы укреплять. Нервы укреплять!? После экзаменов обо всем с тобой переговорит сам.

Булочники забастовали, и шрот-брот⁴² купить нельзя. Говорят, что скоро кончится. А у нас совсем булок нельзя купить — на 8-ую Рождественскую бегала Федоровна [гржебинская кухарка].

Ходил в «Шиповник», толковал о выпуске VIII т<ома> Собр<ания> соч<инений>.⁴³ Там встретил Ив<ана> Ал<ексеевича> Новикова.

Был Мих<аил> Ив<анович> Терещенко, Нерадовский, С. Троицкий [когда-то Сириус, изд<ал> «Пруд» и «Что есть табак?»]⁴⁴ и двоюродный брат М. И. Терещенки.⁴⁵ Чаем их поил и наливкой. Салфеточки были положены, как ты наказывала, только они к ним не притронулись. Нерадовский протянул было руку, лапу себе обтереть, но я их положил в кучку, ближе к самовару. Так о штаны и обтерся.

Терещенко завтра уезжает и завтра пришлет 800 руб<лей>. Буду ему должен (без отдачи) 1025 руб<лей>. Вернется он 10 и<ю>ня на неделю и начнет переговоры с «Шиповником» [Издательство «Сирин», переговоры о выкупе меня].⁴⁶

Предлагает для тебя поговорить в Рукописном Отделении Публичной Библиотеки, у него большие знакомства там.

Ездил с ним к Нерадовскому в Музей, показывали нам иконы.⁴⁷ А с Троицким поеду к Н. П. Лихачеву поговорить о «Хождении Богородицы по мукам».⁴⁸

Что-нибудь да выйдет. [Ничего не вышло, как всегда, одни разговоры и наркотические обещания].

Терещенко все хочет сделать, чтобы тебе заниматься и с «пользой». Знающих рукописи почти нет никого, и это ценится.

[Потом я вспомню уж тут, в Париже, когда С<ерафима> П<авловна> с «пользой» для проф<ессора> Легры словарь делала, и сделала — лежит в моем архиве].⁴⁹

От И. А. Шляпкина: приглашает к себе 9 мая в Белоостров: если мы не можем, он рукописи привезет до 9-го. Что ему ответить, давай вместе решим.⁵⁰

Всего тебе хорошего! Занимайся.

Теплее стало. В пальто ходить, жарко. Скоро ты уж дома. Получишь это письмо в Санатории?

[С<ерафима> П<авловна> вернулась из Уси-Кирки. И начались экзамены в Археологическом Институте. Все хорошо прошло. И она окончила со званием «Действительного члена Им<ператорского> Арх<еологического> Института. И начинается страда»].⁵¹

Петербург 1912

4 июля

Поздравляю тебя с Днем твоего рождения.⁵² Усталый пишу тебе это поздравление. С «фиалкой» — цветом, а что означает, не знаю. Не будь на меня этой хвори напастной,⁵³ пошел бы к Елисе<е>ву, купил бы тебе хоть ягодок каких самых редких — ну, два дорогих абрикоса. Пугает меня, что я как-то обезноживаю и не могу так суетиться, как раньше.

Я тебе все сделаю. Знаю, что вина всех твоих страданий во мне заключается.

До последнего моего издыхания буду ходить за тобой.

[Моя вина — если бы я раньше сообразил, все было б по-другому. Все болезни (печень, а потом, расстройство «центральной нервной системы, как выражались доктора) начинаются с рождения Наташи. За «зеленую ограду» входить С<ерафиме> П<авловне> нельзя было,⁵⁴ — полнота «жизни» не по ее мере: она родилась совсем другой, непохожей на нас. Через меня она вступила в «жизнь» против свое<й> «природы», она не должна была выходить замуж, а я должен был сразу же понять ее душу, да вот не понял и вызвал в общую нашу жизнь «страду»].⁵⁵

¹ Иванов-Разумник. См. о нем: На вечерней заре 1909 (I). С. 187 (прим. 18). Встречи Иванова-Разумника с руководством издательства «Шиповник» были связаны с планами организации нового литературно-художественного журнала, в котором ему отводилась должность заведующего литературно-критического отдела. См. об этом в письме Иванова-Разумника Ремизову от 26 января 1912 года (Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908–1944 гг.) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; вступ. заметка и комм. Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. СПб., 1998. Вып. II. С. 69).

² Руманов Аркадий Вениаминович (1878–1960) — журналист, юрист, меценат, коллекционер; в 1907–1916 годах заведовал петербургским отделением московской газеты «Русское слово». Очевидно, еще до личного знакомства с Румановым в газете состоялась единственная публикация трех коротких произведений Ремизова, напечатанных под общим заголовком «Золотые легенды» (1911. 25 дек. № 297. С. 6). Личное знакомство Руманова и Ремизова, очевидно начавшееся при посредничестве Д. В. Filosofova, относится к началу 1912 года, о чем свидетельствуют и сохранившиеся письма Руманова (РНБ. Ф. 634. № 188; ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 176), первое из которых датировано 1 (14) февраля 1912 года. Ср. также письмо Filosofova Ремизову от 29 декабря 1911 года: «Теперь вот что: Руманов очень просит Вас зайти к нему, в ближайшие дни от 7 до 9. Мне кажется, Вам важно войти с ним в непосредственные отношения» (Переписка А. М. Ремизова и Д. В. Filosofova / Публ. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 402). См. также: Яковлева Е. П. 1) «...Душевно Ваш Д. Filosofov» (Письма Д. В. Filosofova к А. В. Руманову 1911–1913 гг.) // Filosofovские чтения: Сб. статей первых Filosofovских чтений. Псков, 2005. С. 163–178; 2) Аркадий Руманов — забытое имя? // Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Иерусалим, 2001. Кн. 1: Журнал в книге. С. 162–176; 3) Автографы поэтов Русского Зарубежья из частного парижского собрания // Зарубежная Россия: 1917–1939. СПб., 2003. Кн. 2. С. 300–305 (совместно с Д. А. Румановым); 4) Аркадий Руманов и братья Оцупы // Там же. С. 305–312.

³ Прислуга Ремизовых.

⁴ Ляцкий Евгений Александрович (1868–1942) — критик, историк литературы, этнограф, фольклорист, прозаик.

⁵ С 1902 года Ляцкий являлся постоянным сотрудником, а с 1906 года — заведующим литературным отделом и ведущим критиком журнала «Вестник Европы» (1866–1918), где Ремизов никогда не публиковался, однако появлялись рецензии на его произведения. См.: М. Г. Гершензон М. О.]. Алексей Ремизов. Часы. Роман. Изд. Еос. СПб., 1908. С. 174. [Рец.] // Вестник Европы. 1908. Кн. 8. С. 769–771; Адрианов С. Критические наброски // Там же. 1911. Кн. 2. С. 353–365. В публикуемом письме речь шла о сотрудничестве Ремизова с журналом «Современник», редактором которого Ляцкий был с февраля 1912-го по июль 1913 года. Настоячивые приглашения Ляцкого печатать произведения Ремизова в «Современнике» в 1912 году завершились публикацией сказки «Покровенная» (Современник. 1912. № 9. С. 3–16). Причиной такого ограниченного участия Ремизова в журнале послужили низкие гонорары. См. также обмен мнениями о сотрудничестве в «Современнике» и персонально о Ляцком в переписке Ремизова и Б. Садовского, частично представленной в публ.: Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) / Вступ. статья Н. В. Котрелева и З. Г. Минц; публ. Н. В. Котрелева и Р. Д. Тищенко // Лит. наследство. 1992. Т. 92: Александр Блок: новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 400–401. Досада по поводу Руманова, высказанная в позднем комментарии писателя, относилась, скорее всего, к забытому в деталях эпизоду 1912 года, касающемуся невыплат гонорара и безрезультатных проектов участия Ремизова в серии книг для детей (писателем было подготовлено шесть детских книжек), заказанных издательством И. Д. Сытина. Ср. отголоски этого эпизода, омраченного пустопорожними обещаниями Руманова как представителя издательства, в его письме, адресованном Ремизову от 16 июня 1912 года: «Чувствую вину небольшую перед Вами <...> со сказками, все-таки, надеюсь очень, выйдет толк» (РНБ. Ф. 634. № 188. Л. 5; фрагмент письма также приводится в публ.: Блок в неизданной переписке и дневниках современников. С. 399). См. также об участии Блока в переговорах с Румановым: Переписка с А. М. Ремизовым (1905–1920) / Вступ. статья З. Г. Минц; публ. и комм. А. П. Юловой // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 103, 105–106.

⁶ Речь идет о курсе лекций Р. Штайнера «Опыты сверхчувственного. Пути души ко Христу», две из которых были прочитаны в Мюнхене 25 и 27 февраля. Поездка Ремизовой-Довгелло в 1912 году не состоялась. Зато в следующем, 1913 году она провела в Мюнхене неделю (с 24 по 31 августа) и прослушала курс «О мистериях». Этот факт находит подтверждение в записях Андрея Белого (см.: Андрей Белый и антропософия / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. Исторический альманах. М., 1992. Вып. 6. С. 354).

⁷ См. прим. 14.

⁸ Трапезникова Любовь Исаковна (урожд. Красильщик; 1885–1964) — музыкант, последовательница учения Р. Штайнера; участвовала в строительстве первого здания Гетеанума (1913–1919), член Русского антропософского общества (1913–1922). В августе 1913 года Ремизова-Довгелло в компании с Л. И. Трапезниковой и ее мужем Т. Г. Трапезниковым приехала в Мюнхен для посещения курса лекций Штайнера (см.: Андрей Белый и антропософия. С. 354).

⁹ Пронин Борис Константинович (1875–1946) — режиссер, театральный деятель, сотрудничавший с Вс. Э. Мейерхольдом; создатель петербургских литературных кабаре «Бродячая собака» (31 декабря 1911–1915) и «Привал комедиантов» (1916–1919). В личном архиве Ремизова сохранилась записка Пронина от 19 октября 1912 года с приглашением в кабаре «Бродячая собака» на вечер польских артистов 20 октября, а также приглашение с грифом «Художественное общество Интимного театра. Подвал „Бродячая собака“» на вечер «Парижский игорный дом на улице луны (1814 год)», устроенный 13 декабря 1912 года в залах на Малой Конюшенной улице, д. 3 (РНБ. Ф. 634. № 176. Л. 1–2).

¹⁰ Копельман Вера Евгеньевна (урожд. Беклемишева; 1881–1944) — драматург, литератор; литературный секретарь издательства «Шиповник» и одноименных альманахов; жена издателя С. Ю. Копельмана.

¹¹ Очевидно, речь шла о приглашении на отчетное заседание учредителей кабаре «Бродячая собака», состоявшееся 30 апреля 1912 года (Михайловская пл., 5). Подробнее содержание выступлений см.: Парнис А. Е., Тищенко Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1983. Л., 1985. С. 187.

¹² Подразумевается журнал «Новая жизнь» (СПб.; М., 1910–1918), в котором с апреля по ноябрь 1912 года печатался роман Федора Сологуба «Слаще яда».

¹³ Речь идет о старшем дворнике.

¹⁴ Ошибка памяти: деревня, в которой располагался санаторий, называлась Тур-Киля, а ближайшая к ней железнодорожная станция — Усуйкирко (ныне Каннельярви). Впервые Ремизовы посетили санаторий, созданный в собственном имении врача-гигиениста Марии Михайловны Волковой (1855–1916), председателя общества охраны здоровья женщин, летом 1909 года (см.: На вечерней заре 1910. С. 71). Специализировавшееся на лечении заболеваний желудочно-кишечного тракта, а также ожирения, это лечебно-профилактическое заведение получило даже название «Санаторий для толстых». Очевидно, С. П. Ремизова-Довгелло, страдавшая болезнью печени и склонностью к полноте, проходила в деревне Тур-Киля лечение по системе Волковой.

¹⁵ Этимология фамилии Довгелло добавлена в результате редактирования оригинальных писем во второй половине 1940-х годов. См. Приложение, с. 113.

¹⁶ Ср. оригинал письма, в котором указан А. М. Коноплянец (см. о нем: На вечерней заре 1909 (II). С. 190 (прим. 103)). Кондратьев Александр Алексеевич (1876–1967) — поэт-символист, драматург. Кондратьев, углубленно занимаясь мифологией и фольклором, разрабатывал неомифологическое направление, а также писал миниатюры в жанре «снов». Подобного рода творческие интенции способствовали контактам с Ремизовым, с которым в 1911–1912 годах завязалась переписка (см.: РНБ. Ф. 634. № 127).

¹⁷ Садовской Борис Александрович (наст. фам. Садовский, 1881–1952) — поэт, прозаик, критик и литературовед символистского круга. В июне 1912 года Садовской был приглашен Е. А. Ляцким в журнал «Современник» (см. прим. 5) в качестве заведующего литературным отделом. В 1912 году на страницах «Современника» была помещена подробная рецензия Садовского на тома Собрания сочинений Ремизова, выпущенные издательством «Шиповник» (см.: Садовской Б. Настоящий: Сочинения Алексея Ремизова. Семь томов. СПб., 1911–1912 // Современник. 1912. № 5. С. 300–309). В конце 1912 года Садовской (по рекомендации Ремизова и Блока) принял на себя заведование литературным отделом газеты «Русская молва». В конце года в этом издании появилась ремизовская сказка «Горе злосчастное» (Русская молва. 1912. 25 дек. № 17. С. 2).

¹⁸ Иванов-Разумник собирался в заграничное путешествие, планируя остановиться у Шестова в Швейцарии (Коппе). О каком «предложении» Шестова идет речь, установить не удалось.

¹⁹ Нюренберг Арон Давидович (1877–1917) — доктор медицины. См. также главу «Первая смерть» о похоронах Нюренберга в романе «Взвихренная Русь».

²⁰ Издатель З. И. Гржебин с семьей жил на соседней с Таврической — Потемкинской улице (д. 7).

²¹ О А. А. Бурнакине и, в частности, в связи с его сотрудничеством с реакционной газетой «Новое время» см.: На вечерней заре 1908. С. 151, 162, 171 (прим. 17, 18).

²² Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) — потомственный сахарозаводчик, землевладелец, финансист, общественный деятель, меценат. В 1911 году по предложению Терещенко, занимавшего в 1911–1912 годах должность чиновника особых поручений при Дирекции Императорских театров, Ремизов с осени 1910 года начал работать над либретто балета «Лейла», впоследствии оформившегося в драматическое произведение в жанре «русалии» — «Алалей и Лейла». Подробнее об истории создания пьесы см. в комментариях к кн.: Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2016. Т. 12: Русалия. С. 887–903. Аналогичный «театральный» заказ получил также А. А. Блок, задумавший балетное либретто на тему средневековых провансальских романов о трубадурах и рыцарях. Этот замысел воплотился в драме «Роза и крест» (1911–1913). Вместе с сестрами П. И. Терещенко и Е. И. Терещенко в 1912–1915 годах был владельцем книгоиздательства «Сирин», выпускавшего помимо собраний сочинений писателей-символистов одноименные альманахи, к участию в которых были привлечены Ремизов и Блок. Подробнее о Терещенко и его гуманитарной и политической деятельности см.: «Сирин» — дневниковая тетрадь А. Ремизова / Предисловие, публ. и прим. А. В. Лаврова // Алексей Ремизов: Исследования и материалы: Сб. науч. статей / Отв. ред. А. М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно, 2003. С. 229–231; Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 313–314; Политические деятели России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 605–606; Барышников М. Н. Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб., [1998]. С. 352.

²³ Речь идет о Каменном, Крестовском, Петровском и Елагином островах в Петербурге, освоение которых с XVIII века осуществлялось по принципу архитектурно-ландшафтных ансамблей. Парковая зона с живописными дачными постройками стала традиционным местом прогулок горожан.

²⁴ Ср. запись в дневнике Блока, свидетельствующую о том, что упомянутых лиц в это время объединяла подготовка новых музыкальных спектаклей в Мариинском театре. В частности, Ремизов работал над балетом по мотивам его книги сказок «Посолонь» (см. прим. 22): «...приехали М. И. Терещенко и А. М. Ремизов. <...> Алексей Михайлович рассказывал нам свой прекрасный балет» (Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 141).

²⁵ Нерадовский Петр Иванович (1875–1962) — график, искусствовед, основатель отечественного реставрационного и музейного дела; с 1909 года — хранитель коллекции Русского музея Императора Александра III; в 1912 году занял должность заведующего художественным отделом музея.

²⁶ Небельмейстер — народный неологизм, комически изменяющий звание полицеймейстер в прозвище, образованное от выражения «не смыслит ни бельмеса» (слово «бельмес» происходит от однокоренных глаголов татарского и турецкого языка, означающих «знать»). Сюжет с «небельмейстером» описан в шестой главе повести «Пятая язва».

²⁷ Речь идет о выпускных экзаменах в Императорском Санкт-Петербургском Археологическом институте.

²⁸ Яцимирский Александр Иванович (1873–1925) — ученый-филолог, специалист по славянской медиевистике, археограф, переводчик; в 1906–1913 годах — приват-доцент Петербургского университета по кафедре славянской филологии. Ремизов, работая над пересказами апокрифических легенд, неоднократно опирался на научные изыскания Яцимирского. Очевидно, личное общение писателя и ученого завязалось во время выхода в свет книги Ремизова «Лимонарь, сиречь Луг духовный» (1907). В 1908 году Яцимирский отозвался на ремизовский эксперимент литературной обработки народных преданий рецензией, в которой был по достоинству оценен талант писателя «проникаться» народной психологией, создавая аутентичный мир народных верований и представлений. См.: А. Я. [Яцимирский А. И.]. Алексей Ремизов. Лимонарь сиречь Луг Духовный. Издательство «Оры». СПб. 1907. [Рец.] // Исторический вестник. 1908. Т. 112. Июнь. С. 1094–1095. Подробнее о контактах Ремизова с Яцимирским см. в монографии: Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская литература. СПб., 2000 (по указ.). В примечании к тексту письма, помещенного Ремизовым в квадратных скобках при переписывании оригинала в 1940-х годах, вероятно всего, дана ссылка на запомнившееся писателю издание, опубликованное значительно позднее 1912 года: Яцимирский А. И. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности. Апокрифы ветхозаветные. Пг., 1921. Вып. 1.

²⁹ См. прим. 8.

³⁰ Фарбман Михаил Семенович (1880–1933) — журналист, официальный владелец издательства «Пантеон», успешная деятельность которого осуществлялась при негласном участии З. И. Гершензона. Подробнее об этом см.: Голлербах Е. А. «Год тяжелых испытаний»: И. Ф. Анненский и петербургское издательство «Пантеон» (1907–1912) // Вестник Санкт-Петербургского гос. института культуры. 2012. № 1 (10). С. 68–74.

³¹ Софья Исаевна Фарбман (урожд. Гржебина; 1880–?), сестра З. И. Гржебина.

³² Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982) — поэт, прозаик. Речь идет о литературоведческом труде, вышедшем отдельным изданием: Шагинян М. О блаженстве имущего: поэзия З. Н. Гиппиус. М.: Альциона, [1912]. Подарок книги, посвященной творчеству З. Н. Гиппиус, отчасти был демонстрацией желания 24-летней Шагинян утвердиться в роли ближайшей духовной ученицы Гиппиус. Ее детское соперничество с Ремизовой-Довгелло было подогрето хотя и противоречивыми, но в основе своей дружескими отношениями жены Ремизова и поэтессы. Подробнее см.: Письма Зинаиды Николаевны Гиппиус к Мариэтте Сергеевне Шагинян 1908–1910 годов. Из частных собраний Е. В. Шагинян и М. В. Гехтмана / Публ. Н. В. Королевой // Зинаида Николаевна Гиппиус: Новые материалы. Исследования. М., 2002. С. 89–140; Письма М. Шагинян к З. Гиппиус // Новый журнал. 1988. Кн. 170. С. 248–280; Кн. 171. С. 170–237; Обатнина Е. Подруги: один эпизод из истории отношений З. Н. Гиппиус и С. П. Ремизовой-Довгелло // От модернизма к постмодернизму. Русская литература XX–XXI веков: Сб. в честь профессора Халины Вашкелевич / Под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего. Kraków, 2014. С. 251–262 (Seria Rosja. Myśl. Słowo. Obraz. T. XVII).

³³ Подразумевается поездка в Берестовец, в родовое имение С. П. Ремизовой-Довгелло, где на попечении матери и сестер жены Ремизова воспитывалась дочь Наташа.

³⁴ Имение Е. В. Аничкова — Ждани, где Ремизов провел две недели в 1910 году. Подробнее см.: На вечерней заре 1910. С. 71.

³⁵ См. о нем: На вечерней заре 1908. С. 174 (прим. 64).

³⁶ Реплика относится ко времени переписывания текста оригинала в 1940-х годах. Ср. оригинал (наст. публ. С. 115). Речь идет о сборнике Новикова «Духу святому. Первая книга стихов» (М.: «Гриф», 1908). Ср. также аналогичное по реакции упоминание о нем: На вечерней заре 1908. С. 166, 174 (прим. 68).

³⁷ Ошибка в имени. Здесь, а также в оригинале письма подразумевалась Вера Гавриловна Новикова. См. о ней: На вечерней заре 1908. С. 174 (прим. 67).

³⁸ Очевидно, Литературно-художественное общество, созданное в 1906 году при историко-филологическом факультете. Подробнее см.: Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2014. С. 106.

³⁹ Реакция на события 17 апреля 1912 года, когда на Ленских золотых приисках правительственные войска расстреляли демонстрацию бастовавших рабочих. Кровавая драма вызвала широкий общественный резонанс. Стачка продолжалась до августа 1912 года, после чего свыше 80 % рабочих покинули прииски, а по стране начались массовые митинги и акции протеста, в которых приняли участие более 300 тысяч человек.

⁴⁰ Литургическое понятие «отдание праздника», также аподосис (от греч. *απόδοσις* — отдача, возвращение), распространяется на все двенадцатые и великие праздники, предполагающие хронологическое развитие литургических событий, и обозначает последний день православного богослужения.

⁴¹ Правильно: Дориомедов Юрий (Георгий) Дмитриевич (1908–1944) — спортивный обозреватель, сотрудник газеты «Последние новости», книголюб, знаток санскрита, племянник жены З. И. Гржебина; герой французского Сопротивления, расстрелян вместе с женой Галиной Антоновой (урожд. Ретько) у Аустерлицкого моста в Париже. Ср. также оригинал письма на с. 115.

⁴² От Schrottbrot (нем.) — хлеб из муки грубого помола.

⁴³ Речь идет о томе сочинений Ремизова под названием «Русальные действа», вышедшем в 1912 году в издательстве «Шиповник». В том же году этот том вместе с предшествующими семью был переиздан в новом оформлении издательством «Сирин». «Сириновский» восьмой том помимо основного содержания (трех драматических произведений Ремизова «Бесовское действо», «Трагедия о Иуде Принце Искаротском», «Действо о Георгии Храбром», а также поэмы «Иуда Предатель») был дополнен авторским библиографическим аппаратом. В конце книги здесь были помещены росписи содержания предшествующих томов и авторские указатели («Азбуковник», «Временник Первый», «Временник Второй») с датировками и выходными данными первых публикаций.

⁴⁴ Подробнее о нем см.: На вечерней заре 1908. С. 144 (прим. 14).

⁴⁵ Очевидно, речь идет о Николе <sic!> Александровиче Терещенко (1893–1931), воспитаннике Киевской 1-й гимназии и Императорского училища правоведения (1916).

⁴⁶ Процедура выкупа новым издательством «Сирин» прав на выпуск в свет Собраний сочинений Ремизова и Сологуба, принадлежащих с 1910 года издательству «Шиповник», состоялась в октябре 1912 года и описана в дневнике Ремизова. См.: «Сирин» — дневниковая тетрадь А. Ремизова. С. 229–247. Разрыв Ремизова с «Шиповником» сопровождался финансовыми разногласиями. В частности, ср. письмо Ремизова И. А. Рязановскому: «Совсем я запутался <...>. Продали меня „Шиповники“, насчитали аванс 1048, 22 к<опейки> и не заплатили 950 руб<лей>. Аванс — долг, который я должен буду заплатить. А на самом-то деле аванса у меня никакого нет. Не верите? Ей-Богу, так. И вот я объявил войну» (РНБ. Ф. 634. № 32. Л. 4).

⁴⁷ Из письма Терещенко от 16 июня 1912 года явствует, что поводом для визита к Нерадовскому послужил исследовательский интерес Ремизова к апокрифическому сюжету «Хождений Богородицы по мукам». Терещенко писал, подразумевая иконописное «лицевое житие» этого апокрifa: «Сегодня Нерадовский мне звонил, что „лицевое“ хождений Богородицы есть. Он подбирает для Вас и другие копии» (РНБ. Ф. 634. № 215. Л. 7 об.).

⁴⁸ Лихачев Николай Петрович (1862–1936) — историк, палеограф, специалист по византийской и русской иконописи, сфрагистике и дипломатике; чл.-корр. Академии наук с 1901 года; с 1892 года преподавал в Петербургском Археологическом институте; с 1902 по 1914 год состоял в должности помощника директора Императорской Публичной библиотеки; коллекционер. За «Материалы для истории русского иконописания» (1906) получил Большую Золотую медаль Русского Археологического общества. В этой работе, которую Лихачев написал на основе собственного собрания икон, он на 419 таблицах наглядно показал эволюцию византийского, итало-греческого и древнерусского иконного искусства, прошедшего все разновидности так называемой Новгородской, Псковской, Московской, Строгановской, Ярославской и других школ иконописания. За труд о влиянии итало-греческого искусства на православное иконописание получил Золотую медаль имени графа С. С. Уварова (1912). Об изучении Ремизовым древнерусских списков апокрifa о Схождении богородицы в Ад см.: Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская литература. С. 91–100.

⁴⁹ Легра Жюль (Legras J.; 1866–1939) — французский славист; этнограф, описавший свои путешествия по Сибири; в годы Второй мировой войны работал в России в качестве сотрудника отдела службы военной пропаганды при генштабе Министерства обороны Франции; переводчик; автор воспоминаний о встречах с Чеховым и Львом Толстым; издал очерк истории русской литературы: «La littérature en Russie» (Paris, 1929); с 1929 года — профессор русской литературы в Сорбонне. В архиве Легра в Дижоне (Fonds Jules Legras) сохранилось 15 писем Ремизова к нему за 1925–1936 годы (готовятся к печати).

⁵⁰ В Археологическом институте Серафима Павловна Ремизова-Довгелло специализировалась по славяно-русской палеографии у И. А. Шляпкина, с которым познакомилась и Ремизов. Благодаря глубокому интересу писателя к апокрифической литературе между ними установились теплые взаимоотношения. Подробнее см.: Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская литература. С. 80–91. 9 мая Шляпкин праздновал день рождения в своем доме в Белоострове (поселок под Петербургом на границе с Финляндией), который, по воспоминаниям современников и учеников, представлял собой музей материальной культуры Древней Руси. Описание этого дня, проведенного в доме Шляпкина, среди гостей которого оказался писатель Ремизов, сохранилось в дневнике курсистки Е. П. Казанович. Публикацию фрагмента см.: Там же. С. 84–87.

⁵¹ По Положению 1899 года успешно окончившие двухлетний курс действительные слушатели Санкт-Петербургского Императорского Археологического института получали диплом

действительного члена института. Ср. письмо Ремизова И. А. Рязановскому от 10 (23) июня 1912 года: «Во-первых строках Вам поклон и благодарность от Серафимы Павловны за книги археологические. Археологический институт она кончила, действительного члена получила, а книги Ваши в порядке лежат у меня, в одну грудку сложены» (РНБ. Ф. 634. № 31. Л. 27).

⁵² Здесь датировка письма указана по старому стилю.

⁵³ Начиная с весны 1912 года началось очередное обострение язвенной болезни; настроение писателя также было подорвано срывом гонорарных выплат. Ср. письмо Блока Руманову, написанное в начале июня: «Ремизову дозарезу нужны деньги — 600 р., которые полагаются за книжки. Он опять плохо себя чувствует, необходимо ему уехать, отдохнуть, он здесь ни поправиться, ни работать не может» (цит. по: Блок в неизданной переписке и дневниках современников. С. 399). См. также прим. 5.

⁵⁴ Раскрытие метафоры «зеленая ограда» см. в главе «За зеленой оградой» романа Ремизова «В розовом блеске» (1952), посвященного жизни Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло.

⁵⁵ Внутренние мотивы этого письма исследованы в статье: *Обатнина Е.* Земная судьба небожителей в жизни и творчестве Алексея Ремизова // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2018. № 6. S. 16–25.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

№ 1
25.I

Деточка!

Сейчас (10-ть 6-го) ушел Ив<анов>-Разумн<ик>. Он сказал, что к нам до 8-и придет Лурье, который с ним собирается в «Шиповник» — в 8 ч<асов> вечера.

А мне уходить надо, к Руманову.

Я Лурье расскажу все и попрошу посидеть в моей комнате, и накажу Р<азумника> Вас<ильевича> пустить без ¼ 8-ь.

Очень боюсь я это делать, боюсь, что ты сердиться будешь.

Вернувшись от Руманова, пойду к Ляцкому.

А. Ремизов.

А к Ляцкому пришлешь.

на 11.I. ½ 4-го

Деточка, как же мне слово свое держать, спать ложиться, не караулить. Ведь ты у меня, деточка, одна на свете, и строгая и ласковая, самая одна. И все по ночам <1 слово прзб. — Е. О., А. У.>... Нет, уж лучше, слово давать буду, а исполнять не буду.

А. Р.

2

№ 2
12.11.1912
Лютая зима

Так писульку тебе захотелось написать.

Я, деточка, Наташу видеть хочу, и по снегу в санках прокатиться охота. Боюсь помешать — тебе помешаю, да и тяготиться мною будут. А уж у меня, как замечу, одно старание: хоть в тараканью норку прячсся.

А то я ничего, я с тобою поехал бы.

Подумай обо всем этом покрепче. Вспомни прошлую поездку твою. Вспомни, что говорила мне. Ты говорила мне: «Вот хорошо, что ты не поехал!».

А. Р<емизов>

3

№ 3

13. II. 1912

Снежок

И опять тебе писульку, деточка, пишу.

Хочется мне с тобой проехать, да уж и не знаю я, как выживу. Вечером готов. А утром, как встану, да как представлю себе, руки опускаются: боюсь и боюсь. Подумай ты, как следует, пообсуди сама с собой хорошенько и мне скажи.

Тебя я стесню. Нить буду все время, проситься домой ехать назад. Надоем тебе.

И к немцу не поезжай, деточка, тут лучше тихо.

А. Ремизов.

4

№ 1

29 на 30-е апр<еля> 1912

1 ч<ас> н<очи>

Дорогая моя деточка, очень я устал и промерз порядочно: холодно на дворе стало. Есть тебе открытка тебе от Красильникова <Л. И. Красильщик>. Придет она во вторник 1-ого утром между 11<-тью> и 12-тью. Вот в какой час непоказанный. Письмо очень ласковое. Затем карандашом на бумаге «Пронинской». (Помнишь, Пронин приходил и расписался). Так на этой бумаге Вера Евгеньевна написала, что заходила и видеть хотела и просит меня в сборник дать бесплатно, само собою. Не везет мне, все давай бесплатно, а платно — не выходит. Ну, еще есть приглашения 2-а в «Брод<ячую> собаку» на 30.IV и Н<овая> жизнь книжка, апрельская с романом Сологуба «Слаще яда».

Больше ничего. Никто больше не был, никто ничего не спрашивал. Кочан-Наталья сказала В<ере> Е<вгеньевне>, что вышли, насчет отъезда в Финляндию ничего не сказала. Ну я ей внушил, чтобы и впредь так было.

Григорий Кузьмич (старший) зайдет завтра, о прачечной ему уже сказано. Посмотрит он и завтра скажет. Да, на стол мне мышку серую положила В<ера> Е<вгеньевна>. Хорошая, можно ее будет Наташе подарить, когда поедешь, с хвостиком, только усов нет.

Приехал я за 45 мин<ут> до отхода поезда. Ехал очень быстро, и часы мои вперед идут. Но холодно было. (Как поедешь назад, лучше поезжай раньше). Поезд великолепный: он воду берет в Уси-Кирке и отходит 20' десятого. Идет безостановочно до Куоккалы, потом стоит 20' в Белоострове и в Петербург.

Ехать было просторно. В Белоострове села немка «с нервами», как солдат сказал про нее. Она вдруг начала рассказывать свою биографию и с большими подробностями, и биографию всех лиц, с которыми судьба ее сталкивала. Потом мешочек раскрыла и деньги показала, 100 руб<лей>, потом вдруг замолчала и вышла, стала на площадке — под Петербургом. Если бы она говорила по-русски хорошо, было бы очень занятно, но она едва лопочет.

Вот и все, дремал в пути, и голова болела. Теперь прошло. Без тебя, деточка, мушку слышно. Тихо сейчас в доме. Все мои зайцы ждут тебя — «Когда, говорят, вернешся? — Скоро, — говорю, — соберет силы, придет!»

Без тебя, деточка, скучно. По-русски «скучно».

Клопа не трону сегодня, и ванну не буду делать, лягу.

Ну, желаю тебе, сил своих настоящих набраться, крепости и мужества и все одолеть, все победить, деточка.

А. Ремизов

Когда будешь в Петерб^{ург} из вагона выходить, осторожнее: я не рассчитал и ногой ударился. Ногу не повредил, а подумал: тебя предупредить надо, чтобы ты тихонько выходила.

Сейчас пошел дождь. Стучит, как осенью.

30.IV.1912

Стирка во вторник — 8-ого, прачке сказано.

Сегодня тепло, так и «пахнет деревьями». Но дождь не перестает. Письмо от А. М. Коноплянцева. О Садовском пишет, когда к нему пойдем. Как-то ты, деточка, ночь спала: чуть перестанет дождь, пойду, опущу это письмо.

А. Ремизов

5

№ 2

12 ч^{асов} с 30.IV на 1.V

Будут деньги: диван надо новый завести, уж очень все рыхло стало. Был Ив^{анов}-Разумник. Да, деточка, он тогда так и понял, что что-то на уме у меня. Он говорит, что, будь на месте Шестова, он такое предложение не решился бы никогда сделать. Уезжает он числа 10–15 мая.

Арону едва я дозвонился. Звонил в 1 ч^{ас}, и ему на дом и по № указанному, нет и нет. После обеда опять пошел и дозвонился. Он сказал, что тебе письмо написал, что, по его мнению, так и надо было поступить. А выходя от Гржебиных, я столкнулся с Бурнакиным. Просидел он с полчаса и ушел, а за ним Ив^{анов}-Разум^{ник}. Ушел Ив^{анов}-Разумник, Терещенко приехал. Ездили на Острова и к Блоку. Терещенко уезжает в среду. И, должно быть, завтра я пойду к Нерадовскому с ним в музей. Нерадовский — в музее живет. Напомни рассказать тебе сцену, которую я видел на Каменноостровском и затем про «небельмейстера». Сегодня теплая погода. После дождя стало очень тепло. Кочан <Наталья, прислуга> выставила у меня одну раму. Гржебин отдал 6 руб^{лей}, а 4 р^{убля} пообещал отдать. Ел я сегодня котлеты, ты уж предвидела, а на завтра заказал «ножки».

На след^{ующем} листке выписываю тебе латинские названия и перевод к ним. Запоминать по латыни трудно, знать бы приблизительно рус^{ское} название. Многое из латинского — средневековая латынь.

К Яцимирск^{ому} пойду в четверг, отнесу ему книги. Как-то ты, деточка, живешь в своем затворе? Писульки от тебя еще нет. Завтра дождусь, завтра узнаю, как живешь ты.

До свидания, детяточка моя, до свиданья.

А. Ремизов

1 мая

Писем нет, деточка.

6

№ 3

1.V на 2.V

1-ый час ночи

Арон <Арон Давидович Нюренберг> звонил, спрашивал, получил ли я от тебя, деточка, писульку? Я сказал, что не получал еще: письма долго ходят. И обещал ему сказать, как получу. Звонил Арон часов в 5-ь.

Дважды я выходил сегодня: пошел первый раз и вернулся, такой дождик был. А во второй раз пошел и прямо на демонстрацию угодил: полиции, Бог знает, сколько и жандармов. Уж я пожалел, что и вышел: совсем забыл, что сегодня 1 мая. В аптеку отдать рецепт отдал, а уж назад прямо сел на № 4. «Еще руку оторвут!»

Удивительное дело, как какая-то барышня с красным флагом шла, — идет, как пьяная, шатается. И что же ты, думаешь, засады-то не видит, а она на Лиговке. Это около памятника Ал<ександру> III я видел, когда наш трамвай заворачивал.

В 11-ь приходил Красильщик, зонтик принес. Предлагал чаю, — отказался. Не знаю, правильно ли я поступил (боюсь очень): спрашивает адрес, чтобы тебе написать. Ну что же мне было ответить, я и сказал. Бога ради, не сердись. Никому больше не говорил. Сегодня уехал Гржебин в Москву, а вчера Мих<аил> Сем<енович> Лурье>. Теперь по телефону говорить очень просто. Но 21-ого V приезжает Софья Исаевна <Фарбман> с ребенком, и тогда уж неловко будет. Надо Арона предупредить будет.

Разговаривал по телефону с Мих<аилом> Иван<овичем> Терещенко>. Он завтра заедет за мной и вместе поедем к Нерадовскому. А уезжает он в четверг.

Писем не было. Есть тебе книжка от Шагинян, ее труды, тоненькая книжечка, цена 40 к<опеек>.

Ел я сегодня ножки. Чай пью средний.

Сразу трудно переходить на некрепкий. «Скучно» без тебя, деточка, очень «скучно». Покличешь, покличешь, нет никого. Ну и сижу так. Приборкой не занимаюсь. Я все тревожусь, как-то ты, деточка, одна там. Ну, как бы я один без тебя куда-нибудь поехал далеко. Деточка, мы с тобой уж вместе к Наташе поедем, а к Аничкову не хочу.

Кочан другое окно выставил — открыли весну.

Скоро ли ты, деточка, приедешь!

Ну, детяточка, занимайся.

А. Ремизов

Да, деточка, после Красильщика, заходил Иоанн Новиков <И. А. Новиков>. Приехал из Москвы. Я ему ничего о Финл<андии> не сказал, ты будто ушла в Археолог<ический> инст<итут>. Еще розовее сделал<ся>. От Марьи Гавриловны <ошибка: Вера Гавриловна Новикова> поклон передал тебе.

2.V

Твою писульку получил. Это голова у тебя болит и оттого, что холодно было и от топки: печку, должно быть, давно не топили, и от всяких порошков. Постарайся, деточка, подолби, чтобы сбыть. Сегодня я буду разговаривать, как тебе заниматься всякими рукописными делами.

Получил я письмо от Яцимирского — в четверг ждет меня и из «Литературн<ого> Общ<ества>» — приглашение поступить в него.

Только «Н<овое> В<ремя>» сегодня вышло. В отчете хроники говорится, что демонстраций больших не было, ожидали только.

Сегодня отдание Пасхи, завтра Вознесение.

Ну, крепись, деточка. Скоро уж домой тебе ехать.

А. Ремизов

7

№ 4

2.V на 3.V

Арон звонил (только что сел обедать, мальчик стучит). Спрашивал, как ты, что пишешь. Я сказал, деточка, что голова у тебя болит, а он мне стал рассказывать, как ты 8 билетов выучила трудных.

«Я — говорит — тоже получил».

Он еще тебе напишет. Говорил мне, что надо тебя будет лечить — нервы укреплять. После экзаменов обо всем с тобою поговорит сам.

Булочники забастовали, и шрот-брот купить нельзя. Ну, говорят, что это скоро кончится. А у нас совсем булок нельзя купить — на 8-ую Рожд<ественскую> бегала соседняя кухарка — Федоровна.

Ходил в Шиповник насчет все VIII тома разговаривал. Ивана Алексеевича Новикова там встретил и чаем его напоил.

Был Мих<аил> Ива<нович Терещенко>, Нерадовск<ий>, Тройницкий и двоюрод<ный> брат Мих<аила> Иван<овича>. Чаем их поил и наливкой и бубликами угощал. Салфеточки были положены, как ты наказывала.

Мих<аил> Иван<ович> сначала один был. Завтра уезжает. Кланяется тебе. Завтра пришлет 800 р<у>б<лей>. И я буду ему должен, стало быть, 1025 р<у>б<лей>. Приедет он 10 июня на неделю и начнет переговоры. Он еще предлагает в *рукописном отделении* Публич<ной> Библиотеки, у него есть большие знакомства там.

Ездил с ним к Нерадовскому в Музей, показывал мне всякие иконы.

А с Тройницким поеду знакомиться с Лихачевым, о «Хождении по мукам» разговаривать.

Деточка, что-нибудь да выйдет.

Мих<аил> Ив<анович> все хочет сделать, чтобы тебе заниматься и с пользой. Слышу, что знающих рукописи почти нет никого, и это ценят.

Получил от Шляпкина письмо, приглашает нас к себе 9-ого мая в Белоостров. Если мы не можем приехать, он рукописи привезет до 9-ого.

Что ему ответить, давай вместе решим.

Ну, всего тебе хорошего, деточка моя. Занимайся.

Теплее стало, в пальто ходить — даже жарко.

Скоро ты уж дома. Получишь это письмо в санатории?

А. Ремизов

4.VII.1912

Лапа, деточка, поздравляю тебя с Днем Твоего рождения! Усталый пишу тебе поздравление это. Не будь этой хвори напастной, купил бы я тебе хоть ягдов каких самых редких, ну, две штуки дорогих абрикосов.

Пугает меня в положении моем, что я как-то обезноживаю и не могу так суетиться, как раньше.

Я тебе, деточка, все сделаю.

Знаю, что вина во мне заключается.

До последнего моего
издыхания буду ходить,
деточка, за тобою.

А. Ремизов